

Николай Робертович Эрдман

Самоубийца

Действующие лица

Подсекальников Семен Семенович.

Мария Лукьяновна – его жена.

Серафима Ильинична – его теща.

Александр Петрович Калабушкин – их сосед.

Маргарита Ивановна Пересветова.

Степан Васильевич Пересветов.

Аристарх Доминикович Гранд–Скубик.

Егорушка (Егор Тимофеевич).

Никифор Арсентьевич Пугачев – мясник.

Виктор Викторович – писатель.

Отец Елпидий – священник.

Клеопатра Максимовна.

Раиса Филипповна.

Старушка.

Олег Леонидович.

Молодой человек – глухой, Зинка Падес-пань, Груня, хор цыган, два официанта, модистка, портниха, два подозрительных типа, два мальчика, трое мужчин, церковные певчие – хор, факельщики, дьякон, две старушки, мужчины, женщины.

Действие первое

Комната в квартире Семена Семеновича. Ночь.

Явление первое

На двуспальной кровати спят супруги Подсекальниковы – Семен Семенович и Мария Лукьяновна.

Семен Семенович . Маша, а Маша! Маша, ты спишь, Маша?

Мария Лукьяновна (*кричит*). А-а-а-а-а...

Семен Семенович . Что ты, что ты – это я.

Мария Лукьяновна . Что ты, Семен?

Семен Семенович . Маша, я хотел у тебя спросить... Маша... Маша, ты опять спишь? Маша!

Мария Лукьяновна (*кричит*). А-а-а-а-а...

Семен Семенович . Что ты, что ты – это я.

Мария Лукьяновна . Это ты, Семен?

Семен Семенович . Ну да, я.

Мария Лукьяновна . Что ты, Семен?

Семен Семенович . Маша, я хотел у тебя спросить...

Мария Лукьяновна . Ну... Ну, чего ж ты, Семен... Сеня...

Семен Семенович . Маша, я хотел у тебя спросить... что, у нас от обеда ливерной колбасы не осталось?

Мария Лукьяновна . Чего?

Семен Семенович . Я говорю: что, у нас от обеда ливерной колбасы не осталось?

Мария Лукьяновна . Ну знаешь, Семен, я всего от тебя ожида-ла, но чтобы ты ночью

с измученной женщиной о ливерной колбасе разговаривал – этого я от тебя ожидать не могла. Это такая нечуткость, такая нечуткость. Целые дни я как лошадь какая-нибудь или муравей работаю, так вместо того, чтобы но-чью мне дать хоть минуту спокойствия, ты мне даже в кровати такую нервную жизнь устраиваешь! Знаешь, Семен, ты во мне этой ливерной колбасой столько убил, столько убил... Неуже-ли ты, Сеня, не понимаешь: если ты сам не спишь, то ты дай хоть другому выспаться... Сеня, я тебе говорю или нет? Семен, ты заснул, что ли? Сеня!

Семен Семенович . А-а-а-а...

Мария Лукьяновна . Что ты, что ты – это я.

Семен Семенович . Это ты, Маша?

Мария Лукьяновна . Ну да, я.

Семен Семенович . Что тебе, Маша?

Мария Лукьяновна . Я говорю, что если ты сам не спишь, то ты дай хоть другому выспаться.

Семен Семенович . Погоди, Маша.

Мария Лукьяновна . Нет уж, ты погоди. Почему же ты в нуж-ный момент не накушался? Кажется, мы тебе с мамочкой все специально, что ты обожаешь, готовим; кажется, мы тебе с мамочкой больше, чем всем, накладываем.

Семен Семенович . А зачем же вы с вашей мамочкой мне боль-ше, чем всем, накладываете? Это вы незадаром накладываете, это вы с психологией мне накладываете, это вы подчеркнуть перед всеми желаете, что вот, мол, Семен Семенович нигде у нас не работает, а мы ему больше, чем всем, накладываем. Это я понял, зачем вы накладываете, это вы в унижительном смысле накладываете, это вы...

Мария Лукьяновна . Погоди, Сеня.

Семен Семенович . Нет уж, ты погоди. А когда я с тобой на суп-ружеском ложе голодаю всю ночь безо всяких свидетелей, тет-а-тет под одним одеялом, ты на мне колбасу начинаешь выгадывать.

Мария Лукьяновна . Да разве я, Сеня, выгадываю? Голубчик ты мой, кушай, пожалуйста. Сейчас я тебе принесу. *(Слезает с кровати. Зажигает свечку, идет к двери.)* Господи, что же это такое делается? А? Это же очень печально так жить. *(Уходит в другую комнату.)*

Явление второе

Темно. Семен Семенович молча лежит на двуспальной кровати.

Явление третье

В комнату возвращается Мария Лукьяновна. В одной руке у нее свеча, в другой – тарелка.

На тарелке лежат колбаса и хлеб.

Мария Лукьяновна . Тебе, Сенечка, как колбасу намазывать: на белый или на черный?

Семен Семенович . Цвет для меня никакого значения не име-ет, потому что я есть не буду.

Мария Лукьяновна . Как – не будешь?

Семен Семенович . Пусть я лучше скончаюсь на почве ливер-ной колбасы, а есть я ее все равно не буду.

Мария Лукьяновна . Это еще почему?

Семен Семенович . Потому что я знаю, как ты ее хочешь нама-зывать. Ты ее со вступительным словом мне хочешь намазы-вать. Ты сначала всю душу мою на такое дерьмо

израсходу-ешь, а потом уже станешь намазывать.

Мария Лукьяновна . Ну, знаешь, Семен...

Семен Семенович . Знаю. Ложись.

Мария Лукьяновна . Что?

Семен Семенович . Ложись, я тебе говорю.

Мария Лукьяновна . Вот намажу и лягу.

Семен Семенович . Нет, не намажешь.

Мария Лукьяновна . Нет, намажу.

Семен Семенович . Кто из нас муж, наконец: ты или я? Ты это что же, Мария, думаешь: если я человек без жалованья, то меня уже можно на всякий манер регулировать? Ты бы луч-ше, Мария, подумала, как ужасно на мне эта жизнь отража-ется. Вот смотри, до чего ты меня довела. *(Садится на кро-вати. Сбрасывает с себя одеяло. Кладет ногу на ногу. Реб-ром ладони ударяет себя под колено, после чего подбрасы-вает ногу вверх.)* Видела?

Мария Лукьяновна . Что это, Сеня?

Семен Семенович . Нервный симптом.

Мария Лукьяновна . Так, Семен, жить нельзя. Так, Семен, фо-кусы в цирке показывать можно, но жить так нельзя.

Семен Семенович . Как это так нельзя? Что же мне, подыхать, по-твоему? Подыхать? Да? Ты, Мария, мне прямо скажи: ты чего домогаешься? Ты последнего вздоха моего домогаешься? И доможешься. Только я тебе в тесном семейном кругу говорю, Мария – ты сволочь.

Мария Лукьяновна . ?

Семен Семенович . Сволочь ты! Сукина дочь! Черт!

Подсвечник вываливается из рук Марии Лукьяновны, падает на пол и разбивается. В комнате снова совершенно темно. Пауза.

Явление четвертое

В темноте в комнату входит Серафима Ильинична.

Мария Лукьяновна *(кричит)*. А-а-а-а-а...

Серафима Ильинична . Что ты, что ты – это я.

Мария Лукьяновна . Это ты, мамочка?

Серафима Ильинична . Ну да, я.

Мария Лукьяновна . Что тебе, мамочка?

Серафима Ильинична . Объясни ты мне. Маша, пожалуйста, почему у вас ночью предметы падают? А? Вы всех в доме так перебудите. Маша! А, Маша! Маша, ты плачешь, что ли? Се-мен Семенович, что такое у вас здесь делается? Семен Семен-нович! Маша! Я тебя, Маша, спрашиваю. Почему ты, Мария, молчишь? Почему ты молчишь, Мария?

Мария Лукьяновна . Принципиально.

Серафима Ильинична . Господи боже ты мой, это что же за новые новости за такие? А?

Мария Лукьяновна . Пусть Семен говорит, а я говорить не буду.

Серафима Ильинична . Семен Семенович! А, Семен Семено-вич! Почему вы молчите, Семен Семенович?

Мария Лукьяновна . Это он из нахальности, мамочка.

Серафима Ильинична . Вы зачем же, Семен Семенович, пан-томиму такую устраиваете? А? Семен Семенович.

Мария Лукьяновна . Сеня! Семен!

Серафима Ильинична . Семен Семенович.

Мария Лукьяновна . А вдруг с ним удар, мамочка.

Серафима Ильинична . Ну что ты, Мария. С чего это? Что ты, Семен Семенович!
Мария Лукьяновна . Я пойду посмотрю, мамочка.

В темноте раздаются осторожные шаги Марии Лукьяновны.

Сеня... Сеня!.. Мамочка!

Серафима Ильинична . Что случилось?

Мария Лукьяновна . Зажигай свечку.

Серафима Ильинична . Боже мой, что с ним?

Мария Лукьяновна . Зажигай свечку, тебе говорят.

Серафима Ильинична . Где она? Где?

Мария Лукьяновна . На полу она, мамочка, на полу. Шарь, мама, по полу. По полу шарь. Сеня, голубчик ты мой, не пугай ты меня, пожалуйста... Сеня... Мамочка, что же ты?

Серафима Ильинична . Я, Маша, ползаю, ползаю.

Мария Лукьяновна . Ты не там, мама, ползаешь. Ты у фикуса ползай, у фикуса.

Наступает тишина, затем что-то падает.

Господи, что это?

Серафима Ильинична . Фикус, Машенька, фикус.

Мария Лукьяновна . Я с ума сойду, мамочка, так и знай.

Серафима Ильинична . Обожди, Машенька, обожди. Я еще у комода не ползала. Мать пресвятая богородица, вот она.

Мария Лукьяновна . Зажигай ее, зажигай.

Серафима Ильинична . Обожди, Машенька, я сейчас. *(Чир-кает спичной.)*

Мария Лукьяновна . Я больше, мамочка, ждать не могу, пото-му что здесь ужас что делается.

Серафима Ильинична *(подбегая со свечкой)*. Что же с ним? Что?

Мария Лукьяновна *(откидывая одеяло)*. Видишь?

Серафима Ильинична . Нет.

Мария Лукьяновна . И я нет.

Серафима Ильинична . Где же он?

Мария Лукьяновна . Нет его, мамочка. И постель вся холод-ная. Сеня... Сеня... Ушел.

Серафима Ильинична . Как ушел?

Мария Лукьяновна . Так ушел. *(Мечется по комнате.)* Сеня... Сеня...

Серафима Ильинична *(со свечкой, заглядывая в соседнюю комнату)*. Семен Семенович!

Мария Лукьяновна *(подбегая к кровати)*. Свечку. Свечку сюда. *(Выхватывает у Серафимы Ильиничны свечку, ставит ее на пол, становится на колени и смотрит под кровать.)* Батюшки мои, у самой стенки! *(Лезет под кровать.)*

Серафима Ильинична . Что ты, Маша? Куда ты? Очухайся!

Мария Лукьяновна *(из-под кровати)*. Я на улицу, мама, на улицу. *(Вылезает с дамскими ботинками в руке.)* Вот они. *(На-чинает надевать.)* Подавай, мама, юбку.

Серафима Ильинична бросается к кровати, ставит свечку и снова бросается к комоду.

Свечку, свечку оставь. Стой, я сама. *(Останавливает Сера-фиму Ильиничну, подбегает к стене и срывает с гвоздя юбку.)*

Серафима Ильинична . Да куда же ты, Машенька? Бог с то-бой.

Мария Лукьяновна . Воротить его надо, обязательно воротить. Он в таком состоянии, в таком состоянии... Он в кровати мне даже симптом показывал.

Серафима Ильинична . Матерь божия!
Мария Лукьяновна . Знаешь что?
Серафима Ильинична . Ну?
Мария Лукьяновна . Вдруг он что-нибудь над собою сде-лает.
Серафима Ильинична . Что ж ты раньше, Мария, думала? Обувайся скорей.
Обувайся.
Мария Лукьяновна . Кофту, кофту давай.
Серафима Ильинична . Слава господу богу – штаны.
Мария Лукьяновна . Что штаны?
Серафима Ильинична . Вот штаны. Раз штаны здесь, значит, и он здесь.
Мария Лукьяновна . А что, если он без штанов ушел? Он в та-ком состоянии, в таком состоянии...
Серафима Ильинична . Человек без штанов – что без глаз, никуда он уйти не может.
Мария Лукьяновна . Ну а где же он, мамочка?
Серафима Ильинична . Он, должно быть, по надобности.
Мария Лукьяновна . Вот он там над собою и сделает.
Серафима Ильинична . Как это? Что ты?
Мария Лукьяновна . Очень просто. Пук – и готово.
Серафима Ильинична . Мать пресвятая богородица!
Мария Лукьяновна . Как же нам быть теперь? А? Вдруг он...
Серафима Ильинична . Тише... Слышишь...
Мария Лукьяновна . Нет... А ты?
Серафима Ильинична . И я ничего не слышу.
Мария Лукьяновна . Господи, ужас какой! Я пойду постучусь к нему, мамочка. Будь что будет.

Явление пятое

Мария Лукьяновна уходит. Серафима Ильинична обращается лицом к иконе и осеняет себя крестом.

Серафима Ильинична . Божии матери: Вутиванская, Ватопедская, Оковицкая, Купятицкая, Ново-Никитская, Арапетская, Псковская, Выдропусская, Старорусская, Святогорская, Венская, Свенская, Иверская и Смоленская, Абалацкое-Знамение, Братская-Киевская, Пименовская, Испанская и Казанская, помолите сына своего о добром здравии зятя моего. Милосер-дия двери отверзи нам, благословенная Богородица...

Явление шестое

Вбегает Мария Лукьяновна.

Мария Лукьяновна . Дверь на крючке и не открывается.
Серафима Ильинична . А ты с ним разговаривала?
Мария Лукьяновна . Разговаривала.
Серафима Ильинична . Ну и что же он?
Мария Лукьяновна . На вопросы не отвечает и звука не по-дает.
Серафима Ильинична . Как же мы, Машенька? А?
Мария Лукьяновна . Я сейчас Александра Петровича разбу-жу. Пусть он, мамочка, дверь выламывает.
Серафима Ильинична . Александра Петровича беспокоить нельзя.
Мария Лукьяновна . Как нельзя?
Серафима Ильинична . Александр Петрович мужчина под впечатлением. Он на

прошлой неделе жену схоронил.

Мария Лукьяновна . Вот и чудно, что схоронил: значит, он по-нимать теперь должен, сочувствовать. (*Подбегает к дверям.*)

Серафима Ильинична . Как бы, Машенька, хуже не вышло.

Мария Лукьяновна . Все равно, нам мужчина необходим. Без мужчины нам, мама, не справиться. (*Стучит в дверь.*) А не может быть, мамочка...

Серафима Ильинична . Что?

Мария Лукьяновна . Что, что, я не знаю что, мало ли что. Ты сходила бы, мама, послушала. Вдруг он там зашевелится.

Серафима Ильинична уходит.

Явление седьмое

Мария Лукьяновна подбегает к двери.

Мария Лукьяновна (*стучит*). Александр Петрович... Товарищ Калабушкин... Товарищ Капабушкин...

Александр Петрович (*за дверью*). Кто там?

Мария Лукьяновна . Не сочтите за хамство, товарищ Калабушкин, это я.

Александр Петрович (*за дверью*). А?

Мария Лукьяновна . Это я, Подсекальникова.

Александр Петрович (*за дверью*). Кто?

Мария Лукьяновна . Подсекальникова, Мария Лукьяновна. Здравствуйте.

Александр Петрович (*за дверью*). Что?

Мария Лукьяновна . Вы мне очень необходимы, товарищ Калабушкин.

Александр Петрович (*за дверью*). Как необходим?

Мария Лукьяновна . Как мужчина.

Александр Петрович (*за дверью*). Что вы, что вы, Мария Лукьяновна. Тише.

Мария Лукьяновна . Вам, конечно, товарищ Калабушкин, не до этого, но подумайте только, товарищ Калабушкин, я одна, совершенно одна. Что ж мне делать, товарищ Калабушкин?

Александр Петрович (*за дверью*). Вы холодной водой обтирайтесь, Мария Лукьяновна.

Мария Лукьяновна . Что?.. Товарищ Калабушкин... А товарищ Калабушкин.

Александр Петрович (*за дверью*). Тише, черт вас возьми!

Мария Лукьяновна . Мне придется, товарищ Калабушкин, дверь выламывать.

Александр Петрович (*за дверью*). Ради бога. Послушайте. Стойте. Да стойте же!

Дверь с шумом распахивается.

Явление восьмое

В дверях возникает Маргарита Ивановна, огромная женщина в ночной рубашке.

Маргарита Ивановна . Дверь выламывать? Интересное времяпрепровождение для молоденькой дамочки. Ах вы, шура вы эдакая, извиняюсь за выражение.

Мария Лукьяновна . Это как же такое? Помилуйте... Александр Петрович!

Маргарита Ивановна . Вы зачем Александру Петровичу на-биваетесь? Мы сидим здесь в глубоком трауре и беседуем о покойнице, а вы дверь в это время хотите выламывать.

Мария Лукьяновна . Да я разве же эту хотела выламывать? Что я, жульница, что ли, какая-нибудь.

Маргарита Ивановна . Современные дамочки хуже жуликов, прости господи; так и ходят и смотрят, где кто плохо лежит. Ах, вы...

Александр Петрович (*высунув голову*). Маргарита Ивановна!

Маргарита Ивановна . Что тебе?

Александр Петрович . Если вы ее бить собираетесь, Маргарита Ивановна, то я этого вам не советую, потому что вы здесь не прописаны.

Голова Александра Петровича скрывается.

Мария Лукьяновна . Но, позвольте, за что же вы...

Маргарита Ивановна . А зачем вы чужого мужчину обхаживаете?

Мария Лукьяновна . Вы не так меня поняли, уверяю вас. Я же замужем.

Маргарита Ивановна . Понимать здесь особенно нечего – я сама замужем.

Мария Лукьяновна . Но поймите, что он стреляется.

Александр Петрович (*высунув голову*). Кто стреляется?

Мария Лукьяновна . Семен Семенович.

Александр Петрович . Где стреляется?

Мария Лукьяновна . Не подумайте лишнего, Александр Петрович, в уборной.

Голова Александра Петровича скрывается.

Маргарита Ивановна . Кто ж, простите, в уборной стреляется?

Мария Лукьяновна . А куда ж безработному больше пойти?

Явление девятое

Из двери выскакивает Александр Петрович.

Александр Петрович . Так чего же вы, черт вас возьми, прохлаждаетесь? Надо что-нибудь делать, Мария Лукьяновна.

Мария Лукьяновна . Вот за этим я к вам и пришла, Александр Петрович. Человек вы воинственный – тиром заведуете, поможите нам с мамочкой дверь к нему выломать.

Александр Петрович . Почему же вы сразу мне этого не сказали?

Маргарита Ивановна . Что ж вы ждете?

Александр Петрович . Идемте, Мария Лукьяновна. Мы к нему подкрадемся и разом, Мария Лукьяновна. Только тихо... вот так... на цыпочках. Тс...

Мария Лукьяновна . Тс...

Возле самой двери внезапно раздается крик: «А-а!»

Все (*отшатнувшись*) . Ой!

Явление десятое

В комнату вбегает Серафима Ильинична.

Серафима Ильинична . Не ходите туда! Не ходите!

Мария Лукьяновна . Боже мой!

Александр Петрович . Что случилось?

Серафима Ильинична . Вы представьте себе, пожалуйста, там совсем не Семен Семенович, а Володькина бабушка с той половины.

Мария Лукьяновна . Что ты, мамочка?

Серафима Ильинична . Честное слово. Я своими глазами ви-дела. Только что вышла. А я, Маша, как дура, стояла, подслу-шивала. Тьфу!

Александр Петрович . Получается ляпсус, Мария Лукьяновна.

Мария Лукьяновна . В этом, мамочка, ты виновата. Я тебе говорила, что он на улице. Умоляю вас, Александр Петрович, побежимте на улицу.

Серафима Ильинична . Как же он без штанов – и на улице? Обратите внимание, Александр Петрович, что штаны его здесь.

Мария Лукьяновна . Человек перед смертью в штанах не нуж-дается.

Маргарита Ивановна . Все зависит от места, Мария Лукьяновна. Например, в центре города никому без штанов уме-реть не возволят. Это я гарантирую.

Александр Петрович . А скажите: вы в доме везде искали?

Мария Лукьяновна . Совершенно везде.

Серафима Ильинична . Разве только на кухне...

Мария Лукьяновна . Вот на кухне действительно не искали. Побежимте на кухню, товарищ Калабушкин.

Бросаются к двери. Маргарита Ивановна устремляется за ними.

Александр Петрович . Нет уж, вы не ходите за нами, Марга-рита Ивановна, – мы вдвоем.

Убегают.

Явление одиннадцатое

Серафима Ильинична, Маргарита Ивановна.

Маргарита Ивановна . До чего он любитель вдвоем ухо-дить, это прямо психоз у него какой-то. Побежимте давайте и мы.

Серафима Ильинична (*бежит за ней*). Нет, зачем же. По-слушайте. Стойте. Да стойте же!

В этот момент в последовательном порядке раздаются: слово «стой», выкрикнутое Александром

Петровичем, грохот захлопнув-шейся двери, визг Семена Семеновича и, наконец, шум падающего

тела, после чего наступает совершенная тишина.

Маргарита Ивановна . Это что же такое? Царица небесная.

Серафима Ильинична . Кончен бал. Застрелился он, обяза-тельно застрелился.

Маргарита Ивановна . Как же мы теперь? А?

Серафима Ильинична . Я сейчас закричу или что-нибудь сделаю.

Маргарита Ивановна . Ой, не делайте.

Серафима Ильинична . Я боюсь.

Маргарита Ивановна . Я сама боюсь.

Серафима Ильинична . Ой! Идут.

Маргарита Ивановна . Где идут?

Серафима Ильинична . Ой, несут.

Маргарита Ивановна . Что несут?

Серафима Ильинична . Ой, его несут!

Маргарита Ивановна . Ой, сюда несут.

Серафима Ильинична . Так и есть, несут.

Маргарита Ивановна . Ой!
Серафима Ильинична . Несут.
Маргарита Ивановна . Несут.
Серафима Ильинична . Чтой-то будет. Чтой-то будет.

Явление двенадцатое

Александр Петрович почти втаскивает перепуганного Семена Семеновича.

Семен Семенович . Чтой-то было? Чтой-то было?
Александр Петрович . Не волнуйтесь, Семен Семенович.
Семен Семенович . Вы зачем меня держите? Вы зачем... От-пустите. Пустите меня!
Пустите!
Серафима Ильинична . Не пускайте.
Маргарита Ивановна . Держите его. Держите.
Серафима Ильинична . Где же Машенька? Маша где?
Александр Петрович . Маша ваша на кухне валяется.
Серафима Ильинична . Как валяется?
Александр Петрович . В крупном обмороке, Серафима Ильинична.
Серафима Ильинична . Ой, да что ж это будет? Святые угод-ники. *(Выбегает из комнаты. Маргарита Ивановна – за ней.)*

Явление тринадцатое

Александр Петрович, Семен Семенович.

Семен Семенович . Виноват. Вы зачем же в карман ко мне ле-зете? Что вам нужно? Оставьте меня, пожалуйста.
Александр Петрович . Вы сначала отдайте мне эту штуку.
Семен Семенович . Что за штуку? Какую штуку? Нету, нету у меня ничего. Понимаете, нету.
Александр Петрович . Я же видел, как вы ее в рот засовы-вали.
Семен Семенович . Врете вы, ничего я себе не засовывал. От-пустите. Пустите меня, сейчас же.
Александр Петрович . Хорошо, я пушу вас, Семен Семенович, но вы дайте мне слово, Семен Семенович, что пока вы всецело меня не выслушаете, вы себе над собой ничего не позволите. Я как друга прошу вас, Семен Семенович, только выслушайте, только выслушайте.
Семен Семенович . Говорите. Я слушаю.
Александр Петрович . Ну, спасибо. Садитесь, Семен Семенович. *(Усаживает его. Встает перед ним в позу.)* Гражданин Подсекальников... Подождите минуточку. *(Подбегает к окну. Раздергивает занавеску. Нездоровое городское утро освещает развороченную постель, сломанный фикус и всю не-веселую обстановку комнаты.)* Гражданин Подсекальников. Жизнь прекрасна.
Семен Семенович . Ну, а мне что из этого?
Александр Петрович . То есть как это что? Гражданин Подсекальников, где вы живете? Вы живете в двадцатом веке. В век просвещения. В век электричества.
Семен Семенович . А когда электричество выключают за непла-теж, то какой же, по-вашему, это век получается? Каменный?
Александр Петрович . Очень каменный, гражданин Под-секальников. Вот какой уже день как в пещере живем. Прямо жить из-за этого даже не хочется. Тьфу ты, черт! Как не хочется. Вы меня не сбивайте, Семен Семенович. Гражданин Подсе-кальников. Жизнь

прекрасна.

Семен Семенович . Я об этом в «Известиях» даже читал, но я думаю – будет опровержение.

Александр Петрович . Вот напрасно вы думаете. Вы не ду-майте. Вы работайте.

Семен Семенович . Безработным работать не разрешается.

Александр Петрович . Вы все ждете какого-то разрешения. С жизнью надо бороться, Семен Семенович.

Семен Семенович . Разве я не боролся, товарищ Калабушкин? Вот смотрите, пожалуйста. *(Вынимает из-под подушки книжку.)*

Александр Петрович . Это что?

Семен Семенович . Руководство к игре на бейном басы.

Александр Петрович . Как? На чем?

Семен Семенович . Бейный бас – это музыка. Духовая тру-ба. Изучить ее можно в двенадцать уроков. И тогда открыва-ется золотое дно. У меня даже смета уже составлена. *(Пока-зывает листок бумаги.)* Приблизительно двадцать концер-тов в месяц по пяти с половиной рублей за штуку. Значит, в год получается чистого заработка тысяча триста двадцать рублей. Как вы сами, товарищ Калабушкин, видите, все уже приготовлено, чтоб играть на трубе. Есть желанье, есть сме-та, есть руководство – нету только трубы.

Александр Петрович . Это общая участь, гражданин Подсекальников. Что же сделаешь, все-таки надо жить.

Семен Семенович . Без сомнения, надо, товарищ Калабуш-кин.

Александр Петрович . Вы согласны?

Семен Семенович . Согласен, товарищ Калабушкин.

Александр Петрович . Значит, я убедил вас. Спасибо. Ура! Отдавайте револьвер, гражданин Подсекальников.

Семен Семенович . Как револьвер? Какой револьвер?

Александр Петрович . Вы опять начинаете. Я же видел, как вы его в рот засовывали.

Семен Семенович . Я?

Александр Петрович . Вы.

Семен Семенович . Боже мой! Я засовывал. Для чего?

Александр Петрович . Вы зачем из меня идиота устраивае-те? Все же знают, что вы стреляетесь.

Семен Семенович . Кто стреляется?

Александр Петрович . Вы стреляетесь.

Семен Семенович . Я?

Александр Петрович . Вы.

Семен Семенович . Боже мой! Подождите минуточку. Лично я?

Александр Петрович . Лично вы, гражданин Подсекальников.

Семен Семенович . Почему я стреляюсь, скажите пожалуйста?

Александр Петрович . Что вы, сами не знаете?

Семен Семенович . Почему, я вас спрашиваю?

Александр Петрович . Потому что вы год как нигде не рабо-таете и вам совестно жить на чужом иждивении. Разве это не глупо, Семен Семенович?

Семен Семенович . Подождите минуточку. Кто сказал?

Александр Петрович . Да уж будьте покойны, Мария Лукьяновна.

Семен Семенович . Ой! Уйдите. Оставьте меня одного. Вон отсюда к чертовой матери!

Александр Петрович . Вот отдайте револьвер, тогда уйду.

Семен Семенович . Ну вы сами поймите, товарищ Калабушкин. Ну откуда я мог бы его достать?

Александр Петрович . В наше время револьвер достать не-трудно. Вот Панфилич револьвер на бритву выменивает.

Семен Семенович . Неужели на бритву?

Александр Петрович . И задаром отдашь. Разрешения нету. Нагрянет милиция. Хоп. Шесть месяцев принудительных. Отдавайте револьвер, Семен Семенович.

Семен Семенович . Не отдам.

Александр Петрович . Ну, простите, пеняйте тогда на себя. Я физической силой его достану. *(Хватает его за руку.)* Все равно вам теперь от меня не уйти.

Семен Семенович . Не уйти? Ну, так знайте, товарищ Калабушкин: если вы моментально отсюда не выйдете, я сейчас же у вас на глазах застрелюсь.

Александр Петрович . Не застрелитесь.

Семен Семенович . Вы не верите? Хорошо. Я считаю до трех. Раз...

Александр Петрович . Ой, застрелится!

Семен Семенович . Два...

Александр Петрович . Я ушел! *(Пулей в свою комнату.)*

Явление четырнадцатое

Семен Семенович.

Семен Семенович . Три. *(Вытаскивает из кармана ливерную колбасу.)* Ой, куда же, куда ее положить? Где тарелка? *(Кла-дет колбасу на тарелку.)* Все как было. До смерти не дога-даются. Ну, Мария, постой, я тебе докажу. *(Подбегает к сто-лу. Начинает рыться.)* Я тебе докажу... как мне совестно жить на твоём иждивении. Ну постой. Докажу. Вот она. *(Вы-нимает бритву.)* Шведской стали. Отцовская. Эх, наплевать, все равно мне не бриться на этом свете. *(Убегает.)*

Голос Александра Петровича . Гражданин Подсекальников, я не выйду отсюда, дайте только сказать. Гражданин Подсекальников, вы поверьте мне на слово – жизнь прекрас-на. Гражданин Подсе... *(Открывает дверь, просовывает го-лову, смотрит.)* Где же он?

Явление пятнадцатое

Александр Петрович выходит из своей комнаты. Осмат-ривается.

Александр Петрович . Там, наверное. *(Подбегает к двери.)* Гражданин Подсекальников, чур-чура, не стреляйте, пожалуй-ста, я туда не войду. Гражданин Подсекальников, вас, навер-ное, удивляет моя назойливость, тем не менее я позволю себе еще раз, через стенку, обратить ваше пристальное внимание на то, что жизнь прекрасна. Гражданин Подсекальников...

Явление шестнадцатое

Серафима Ильинична и Маргарита Ивановна втаскивают бесчувственную Марию Лукьяновну.

Серафима Ильинична . Что вы делаете? Что вы делаете? Ноги в руки возьмите, Маргарита Ивановна.

Маргарита Ивановна . Осторожнее, осторожнее.

Александр Петрович . Вы совсем обезумели. Для чего же вы женщину волоком тащите? Ставьте, ставьте ее на попа.

Серафима Ильинична . Ну, теперь расстегните ее.

Александр Петрович . С удовольствием.

Мария Лукьяновна . Кто здесь?

Александр Петрович . Все свои. Не стесняйтесь, Мария Лукьяновна.

Мария Лукьяновна . Где он? Что с ним? Он умер, товарищ Калабушкин?

Александр Петрович . Умереть он не умер, Мария Лукьяновна, но я должен вам честно сказать – собирается.

Мария Лукьяновна . Побежимте к нему.

Александр Петрович . И не пробуйте даже, Мария Лукьяновна, вы все дело изгадите. Он мне сам говорил. Если вы, говорит, мой порог переступите, я у вас, говорит, на глазах за-стрелюсь.

Серафима Ильинична . Ну а вы?

Александр Петрович . Я и так, я и сяк, и молил, и упрашивал – ничего не подействовало.

Маргарита Ивановна . Здесь приказывать надо, а не упрашивать. Вот пойдите сейчас, заявите в милицию, пусть его арестуют и под суд отдадут.

Александр Петрович . Нет такого закона, Маргарита Ивановна. К жизни суд никого присудить не может. К смерти может, а к жизни нет.

Серафима Ильинична . Где же выход?

Александр Петрович . В трубе, Серафима Ильинична.

Серафима Ильинична . Как в трубе?

Александр Петрович . Есть такая труба, Серафима Ильинична, труба бе, геликон, или бейный бас, в этом басы весь выход его и спасение.

Мария Лукьяновна . Для чего же, простите, ему труба?

Александр Петрович . Для нажития денег, Мария Лукьяновна. Если эту трубу для него достать, я могу гарантировать, что он не застрелится.

Серафима Ильинична . На какую же сумму такая труба?

Александр Петрович . Полагаю, рублей на пятьсот или бо-лее.

Мария Лукьяновна . На пятьсот? Да когда у нас будет пять-сот рублей, он тогда и без этой трубы не застрелится.

Александр Петрович . Это верно, пожалуй, Мария Лукьяновна.

Маргарита Ивановна . Нужно будет моим музыкантам ска-зать, пусть они ему трубу напрокат спротежируют.

Серафима Ильинична . Неужели у вас музыканты свои?

Александр Петрович . У нее в ресторане, Серафима Ильинична, грандиозный оркестр симфонической музыки.

Маргарита Ивановна . Под названием «Трио свободных художников».

Серафима Ильинична . Ради бога, голубушка, потолкуйте с художниками.

Мария Лукьяновна . Попросите у них.

Серафима Ильинична . И сейчас, не откладывая.

Мария Лукьяновна . Мы поедem к ним вместе, Маргарита Ива-новна. Одевайтесь скорей.

Маргарита Ивановна и Мария Лукьяновна уходят в комнату Александра Петровича.

Явление семнадцатое

Александр Петрович, Серафима Ильинична.

Серафима Ильинична . Я боюсь, как бы он до трубы не того-с.

Александр Петрович . Раз вы здесь остаетесь, Серафима Ильинична, вы его до трубы отвлекайте от этого.

Серафима Ильинична . Чем же мне отвлекать?

Александр Петрович . Я вам так предложу, Серафима Ильинична. Вы ступайте на полном нахальстве в ту комнату и под видом, что вы ничего не знаете, начинайте

рассказы-вать.

Серафима Ильинична . Что рассказывать?

Александр Петрович . Что-нибудь отвлеченное: про хоро-шую жизнь, про веселые случаи. Вообще юмористику.

Серафима Ильинична . Я такого не знаю, товарищ Калабушкин.

Александр Петрович . Я не знаю... Придумайте. Зять на кар-те стоит, Серафима Ильинична, это дело не шуточное. Рас-скажите ему анекдоты какие-нибудь, квипрокво или просто забавные шуточки, чтобы он позабылся, отвлекся, рассеял-ся, а мы тут подоспеем к нему с трубой – и спасли челове-ка, Серафима Ильинична. Ну, идите, идите, не бойтесь, рас-сказывайте. *(Уходит в свою комнату.)*

Явление восемнадцатое

Серафима Ильинична, останавливается перед дверью.

Серафима Ильинична . Боже мой, что я буду ему рас-сказывать? Ну, была не была. *(Уходит в свою комнату.)*

Явление девятнадцатое

Входит Семен Семенович. Беспokoйно осматривается. Вы-нимает из кармана револьвер. Вставляет в барабан патроны. Садится за стол. Открывает чернильницу. Отрывает листок бу-маги.

Семен Семенович *(пишет)* . В смерти моей...

Явление двадцатое

Серафима Ильинична выходит из своей комнаты.

Серафима Ильинична . Нету. *(Заметила Семена Семеновича.)* Батюшки! С добрым утром, Семен Семенович. Ох, я случай ка-кой вам сейчас расскажу. Обхохочетесь. Вы про немцев не слышали?

Семен Семенович . Нет. А что?

Серафима Ильинична . Немцы мопса живого скушали.

Семен Семенович . Какие немцы?

Серафима Ильинична . Вот какие – не помню, а только ску-шали. Это муж мой покойный у нас рассказывал. Еще в мир-ное время, Семен Семенович. Уж мы все хохотали тогда до ужаса. *(Пауза.)* Мопс – ведь это собака, Семен Семенович.

Семен Семенович . Ну?

Серафима Ильинична . Мопсов люди не кушают.

Семен Семенович . Ну?

Серафима Ильинична . Ну а немцы вот скушали.

Семен Семенович . Ну?

Серафима Ильинична . Все.

Семен Семенович . Что все?

Серафима Ильинична . Боже мой, что я буду ему рассказы-вать? А то тоже вот случай смешной, вроде этого.

Семен Семенович . Вы бы лучше ушли, Серафима Ильинична.

Серафима Ильинична . Вы со смеху помрете, Семен Семенович.

Семен Семенович . Не мешайте, я занят. Вы, кажется, видите.

Серафима Ильинична . Нет, вы только послушайте. Можете себе представить. Был в

военное время у нас в деревне плен-ный турок, в плену. Ну, конечно, контуженый. Нашим вой-ском контуженный. Все, бывало, вот так головою трясет. Уморительно. Что тут делать? Придумали. Вот как вечер, сей-час же народ собирается, кто там хлеба, кто студня берет – и к нему. Ну, приходят, на студень, на хлеб показывают, говорят: «Хочешь есть?» Турку до смерти русского студня хочется, а не может по-русскому говорить. Только вскочит, от голоду весь заволнуется и сейчас же вот так головой за-трясет. Будто «нет» затрясет. А народ только этого и дожи-дается. Моментально обратно всю пищу завертывает. Ну, не хочешь – как хочешь, и по домам. Ох, и смеху что было над этим турком. Что вы скажете?

Семен Семенович . Убирайтесь сейчас же ко всем чертям. По-нимаете?

Серафима Ильинична . Что вы, что вы, Семен Семенович? А вот тоже был случай, при коронации.

Семен Семенович вскакивает, хватает ручку, бумагу и чернильницу.

Стойте, стойте. Куда вы, Семен Семенович? *(Бежит за ним.)* Александр Благословенный во дворцовом парадном жида прищемил.

Семен Семенович убегает в соседнюю комнату.

Явление двадцать первое

Серафима Ильинична одна, перед дверью.

Серафима Ильинична . Не рассеялся. Где же взять мне еще для него юмористики. Боже мой! *(Убегает за ним.)*

Явление двадцать второе

Из комнаты Александра Петровича выходят: Александр Петрович Калабушкин, Мария Лукьяновна и Мар-гарита Ивановна.

Александр Петрович . Едем, едем скорей, Маргарита Ива-новна.

Мария Лукьяновна . А не страшно нам Сеню одного оставлять?

Александр Петрович . Он же с тещей. Не бойтесь, Мария Лукьяновна, я ее научил.

Убегают.

Явление двадцать третье

Из соседней комнаты выскакивает Семен Семенович с чер-нильницей, ручкой и бумагой в руках.

Семен Семенович *(кричит в дверь)*. Если вы еще раз мне про мопса расскажете, я с вас шкуру сдеру. Не ходите за мной. Идиотка вы старая. *(Захлопывает дверь. Подходит к столу, расправляет листок бумаги. Дописывает.)* Не винить. Подсекальников.

Действие второе

То же комната, что и в первом действии. Все приведено в по-рядок.

Явление первое

Семен Семенович восседает на табурете с огромной тру-бой, надетой через плечо. Перед ним раскрытый самоучитель. В стороне на стульях Мария Лукьяновна и Серафима Ильинична.

Семен Семенович (*читает*). «Глава первая». Под названием «Как играть». «Для игранья на бейном басы применяется ком-бинация из трех пальцев. Первый палец на первый клапан, второй палец на второй клапан, третий палец на третий кла-пан». Так. «При вдутии получается нота си». (*Дует, снова дует.*) Это что ж за сюрприз за такой получается? Воздух вышел, а звука нет.

Серафима Ильинична . Ну, Мария, теперь держись. Если он в этом басы разочаруется...

Семен Семенович . Стой, стой, стой! Так и есть. Вот глава специального выпуска воздуха под названием «Как дуть». «Для того чтобы правильно выпустить воздух, я, всемирно извест-ный художник звука Теодор Гуго Шульц, предлагаю простой и дешевый способ. Оторвите кусочек вчерашней газеты и по-ложите ее на язык».

Серафима Ильинична . На язык?

Семен Семенович . На язык, Серафима Ильинична. Ну-ка, дай-те сюда «Известия».

Серафима Ильинична подбегаетс газетой.

Отрывайте.

Мария Лукьяновна . Поменьше, поменьше, мамочка.

Семен Семенович . Кладите теперь, Серафима Ильинична.

Серафима Ильинична . Что же, вам помогает, Семен Семенович?

Семен Семенович . И е-а е-е о-го-га-е, и-ай-е а-е. А-е, а-е и-ай-е, я-а го-го-ю.

Мария Лукьяновна . Что?

Семен Семенович . У-а.

Мария Лукьяновна . Что?

Семен Семенович . У-а, я го-го-ю.

Мария Лукьяновна . Что ты, Сенечка, говоришь, я, ей-богу, не понимаю.

Семен Семенович (*выплевывает бумажку*). Дура, я говорю. Понимаешь теперь? Я по-русски сказал вам – читайте даль-ше. «Оторвите кусочек вчерашней газеты и положите ее на язык». Дальше что?

Мария Лукьяновна . Дальше, Сенечка, сказано (*читает*): «Сплюньте эту газету на пол. Постарайтесь запомнить во вре-мя плевания положение вашего рта. Зафиксировав данное положение, дуйте так же, как вы плюете». Все.

Семен Семенович . Прошу тишины и внимания. (*Отрывает ку-сочек газеты.*) Отойдите в сторонку, Серафима Ильинична. (*Кладет на язык. Сплювывает. Начинает дуть.*) Что за черт! Ни черта.

Серафима Ильинична . Кончен бал. Начинает разочаровы-ваться.

Семен Семенович снова сплевывает. Собирается дуть.

Мария Лукьяновна . Господи, если ты существуешь на самом деле, ниспошли ему звук.

В этот самый момент комнату оглашает совершенно невероятный рев трубы.

Серафима Ильинична . Я тебе говорила, что существует. Вот пожалуйста, факт налицо.

Семен Семенович . Ну, Мария, бери расчет. Больше ты на ра-боту ходить не будешь.

Мария Лукьяновна . Как же так?

Серафима Ильинична . А на что же мы жить будем?

Семен Семенович . Я заранее все подсчитал и высчитал. При-близительно двадцать концертов в месяц по пяти с половиною рублей за штуку. Это в год составляет... Одну минуточку. (*Шарит в карманах.*) Где-то здесь у меня подведен итог. (*Вынимает записку.*) Вот он. Слушайте. (*Раскрывает запи-ску. Читает.*) «В смерти мо...» (*Пауза.*) Нет, не то. (*Прячет. Вынимает другую.*) Вот он. Вот. Вот написано. «В год мой за-работок выражается в тысяча триста двадцать рублей». Да-с. А вы говорите – на что нам жить.

Серафима Ильинична . Но ведь вы еще даже не научились, Семен Семенович.

Семен Семенович . Для меня научиться теперь, Серафима Иль-инична, – раз плюнуть. (*Берет бумажку. Сплевывает. Дует. Труба ревет.*) Слышали? Через эту трубу, Серафима Ильинич-на, к нам опять возвращается незабвенная жизнь. Нет, ты только подумай, подумай, Машенька, до чего хорошо. Приехать с концерта с хорошим жалованьем, сесть на кушетку в кругу семьи: «Что, полотеры сегодня были?» – «Обязатель-но были, Семен Семенович». – «А статую, что я приглядел, купили?» – «И статую купили, Семен Семенович». – «Ну, прекрасно, подайте мне гоголь-моголь». Вот это жизнь. Меж-ду прочим, я с этой минуты требую, чтобы мне ежедневно да-вали на третье выше мною упомянутый гоголь-моголь. Гоголь-моголь, во-первых, смягчает грудь, во-вторых, он мне нравит-ся, гоголь-моголь. Поняли?

Мария Лукьяновна . Очень, Сенечка, яйца дороги.

Семен Семенович . Для кого это дороги? И кого это, кроме меня, касается? Кто теперь зарабатывает, ты или я?

Серафима Ильинична . Дело в том...

Семен Семенович . Вы все время мешаете планомерным занятиям. Чем со мной пререкаться, Серафима Ильинична, вы молчали бы лучше и слушали музыку. (*Дует.*) Вообще, я просил бы в минуты творчества относительной тишины. (*Чи-тает.*) «Гаммы. Гамма есть пуповина музыки. Одолевши сию пуповину, вы рождаетесь как музыкант». Ну, сейчас я уже окончательно выучусь. «Для того чтобы правильно вы-учить гамму, я, всемирно известный художник звука Теодор Гуго Шульц, предлагаю вам самый дешевый способ. Купите самый дешевый ро... (*перевортывает страницу*) ...яль». Как рояль?

Серафима Ильинична . ?

Мария Лукьяновна . Как рояль?

Семен Семенович . Подождите. Постойте. Не может быть. «Предлагаю вам самый дешевый способ. Купите самый де-шевый ро... (*пробует, не слиплись ли страницы, переве-ртывает*) ...яль». Это как же? Позвольте. Зачем же рояль? (*Читает.*) «В примечаниях сказано, как играется гамма. Проиграйте ее на рояле и скопируйте на трубе». Это что же такое, товарищи, делается? Это что же такое? Это кончено, зна-чит. Значит, кончено. Значит... Ой, мерзавец какой! Главное дело, художник звука. Не художник ты, Теодор, а подлец. Сво-лочь ты... со своей пуповиной. (*Разрывает самоучитель.*) Маша! Машенька! Серафима Ильинична! Ведь рояль-то мне не на что покупать. Что он сделал со мной? Я смотрел на него как на якорь спасения. Я сквозь эту трубу различал свое будущее.

Серафима Ильинична . Успокойтесь. Наплюньте, Семен Семенович.

Семен Семенович . Как же мы будем жить, Серафима Ильинич-на? Кто же будет теперь зарабатывать, Машенька?

Мария Лукьяновна . Ты не думай об этом, пожалуйста, Сенеч-ка, я одна заработаю.

Серафима Ильинична . Столько времени жили на Машино жалованье и опять проживем.

Семен Семенович . Ах, мы, значит, на Машино жили, по-ваше-му. Значит, я ни при чем, Серафима Ильинична? Только вы од-ного не учли, Серафима Ильинична: что она на готовом на всем зарабатывала. Эти чашечки кто покупал, Серафима Иль-инична? Это я покупал. Эти блюдечки кто покупал, Серафима Ильинична? Это я покупал. А когда эти

блюдечки разобьют-ся, тебе хватит, Мария, на новые блюдечки?

Мария Лукьяновна . Хватит, Сенечка, хватит.

Семен Семенович . Хватит?

Мария Лукьяновна . Хватит.

Семен Семенович (*бросает блюда на пол и разбивает их*). Ну, посмотрим. А когда эти чашечки разобьются, тебе хватит, Мария, на новые чашечки?

Мария Лукьяновна . Ой, не хватит.

Семен Семенович . Не хватит? Ну, значит, так жить нельзя. Значит, мне остается... Уйдите отсюда. Уходите сейчас же, я вам говорю. Все равно на троих нам не хватит такого жа-лованья.

Мария Лукьяновна . Что ты, Сенечка, бог с тобой. И на нас, Сеня, хватит и на тебя.

Семен Семенович . Как же может хватить на меня, Мария, если даже на чашечки не хватает?

Мария Лукьяновна . Хватит, Сенечка, хватит.

Семен Семенович . Хватит? (*Разбивает чашки.*) Ну, посмотрим. А когда эта вазочка разобьется, тебе хватит, Мария, на новую вазочку?

Серафима Ильинична . Говори, что не хватит.

Мария Лукьяновна . Не хватит, Сенечка.

Семен Семенович . Ах, не хватит! Тогда уходите отсюда.

Мария Лукьяновна . Вот убей – не уйду.

Семен Семенович . Не уйдешь?

Мария Лукьяновна . Не уйду.

Семен Семенович . Ну, посмотрим. (*Разбивает вазу.*)

Мария Лукьяновна . Что ж ты, Сенечка, все разобьешь?

Семен Семенович . Разобью.

Мария Лукьяновна . Разобьешь?

Семен Семенович . Разобью.

Мария Лукьяновна . Ну, посмотрим. (*Разбивает зеркало.*)

Семен Семенович . Ты... при мне... при главе... Это что воз-никает такое? Господи. Ради бога, оставьте меня одного. Я вас очень прошу. Я вас очень прошу. Ради бога, оставьте меня. Пожалуйста.

Мария Лукьяновна и Серафима Ильинична уходят в другую комнату. Семен Семенович закрывает за ними дверь.

Явление второе

Семен Семенович один.

Семен Семенович . Все разбито... все чашечки... блюдечки... жизнь... человеческая. Жизнь разбита, а плакать некому. Мир... Вселенная... Человечество... Гроб... и два человека за гробом, вот и все человечество. (*Подходит к столу.*) Столько времени жили на Машино жалованье и опять прожи-вем. (*Открывает ящик.*) Проживем. (*Вынимает револьвер.*) Или нет? (*Вынимает из кармана записку. Кладет на стол.*) Или нет? (*Вскакивает.*) Нет, простите, не проживем. (*При-ставляет револьвер к виску. Взгляд падает на записку. Опу-скает руку. Берет записку. Читает.*) Вот тебе, Сеня, и го-голь-моголь. (*Зажмуривается. В это время раздается оглу-шительный стук в дверь.*) Семен Семенович, прячя револьвер за спину.) Кто там? Кто?

Дверь открывается, и в комнату входит Аристарх Донникович Гранд-Скубик.

Явление третье

Семен Семенович с револьвером за спиной и Аристарх Доминикович.

Аристарх Доминикович . Виноват. Я вам, может быть, по-мешал? Если вы, извиняюсь, здесь что-нибудь делали, ради бога, пожалуйста, продолжайте.

Семен Семенович . Ничего-с. Мне не к спеху. Вы, собственно... Чем могу?

Аристарх Доминикович . А позвольте сначала узнать: с кем имею приятную честь разговаривать?

Семен Семенович . С этим... как его... Подсекальниковым.

Аристарх Доминикович . Очень рад. Разрешите полюбопытствовать: вы не тот Подсекальников, который стреляется?

Семен Семенович . Кто сказал? То есть нет, я не то сказал. Ну, сейчас арестуют за хранение оружия. Я не тот. Вот ей-богу, не тот.

Аристарх Доминикович . Неужели не тот? Как же так? Вот и адрес и... *(Замечает записку.)* Стойте. *(Берет записку.)* Да вот же написано. *(Читает.)* «В смерти прошу никого не винить». И подписано: «Подсекальников». Это вы Подсекаль-ников?

Семен Семенович . Я. Шесть месяцев принудительных.

Аристарх Доминикович . Ну, вот видите. Так нельзя. Так нельзя, гражданин Подсекальников. Ну, кому это нужно, скажите, пожалуйста, «никого не винить». Вы, напротив, должны обвинять и винить, гражданин Подсекальников. Вы стреляетесь. Чудно. Прекрасно. Стреляйтесь себе на здоровье. Но стреляйтесь, пожалуйста, как общественник. Не забудьте, что вы не один, гражданин Подсекальников. Посмотрите вокруг. Посмотрите на нашу интеллигенцию. Что вы видите? Очень многое. Что вы слышите? Ничего. Почему же вы ничего не слышите? Потому что она молчит. Почему же она молчит? Потому что ее заставляют молчать. А вот мертвого не заставишь молчать, гражданин Подсекальников. Если мертвый заговорит. В настоящее время, гражданин Подсекальников, то, что может подумать живой, может высказать только мертвый. Я пришел к вам, как к мертвому, гражданин Подсекальников. Я пришел к вам от имени русской интеллигенции.

Семен Семенович . Очень рад познакомиться. Садитесь, пожа-луйста.

Аристарх Доминикович . Вы прощаетесь с жизнью, граж-данин Подсекальников, в этом пункте вы правы: действи-тельно, жить нельзя. Но ведь кто-нибудь виноват в том, что жить нельзя. Если я не могу говорить об этом, то ведь вы, гражданин Подсекальников, можете. Вам терять теперь не-чего. Вам теперь ничего не страшно. Вы свободны теперь, гражданин Подсекальников. Так скажите же честно, откры-то и смело, гражданин Подсекальников: вы кого обви-няете?

Семен Семенович . Я?

Аристарх Доминикович . Да.

Семен Семенович . Теодор Гугу Шульца.

Аристарх Доминикович . Это кто-нибудь, верно, из Комин-терна? Без сомнения, и он виноват. Но ведь он не один, граж-данин Подсекальников. Вы напрасно его одного обвиняете. Обвиняйте их всех. Я боюсь, вы еще не совсем понимаете, по-чему вы стреляетесь. Разрешите, я вам объясню.

Семен Семенович . Ради бога. Пожалуйста.

Аристарх Доминикович . Вы хотите погибнуть за правду, гражданин Подсекальников.

Семен Семенович . А вы знаете, это идея.

Аристарх Доминикович . Только правда не ждет, гражданин Подсекальников. Погибайте скорей. Разорвите сейчас же вот эту записочку и пишите другую. Напишите в ней искренне все, что вы думаете. Обвините в ней искренне всех, кого сле-дует. Защитите в ней нас. Защитите интеллигенцию и задай-те правительству беспощадный вопрос: почему не использо-ван в деле строительства такой чуткий, лояльный и знающий человек, каковым, безо всякого спора, является Аристарх Доминикович Гранд-Скубик.

Семен Семенович . Кто?

Аристарх Доминикович . Аристарх Доминикович Гранд-Скубик. Через тире.

Семен Семенович . Это кто же такой?

Аристарх Доминикович . Это я. И когда, написавши такую записочку, гражданин Подсекальников, вы застрелитесь, вы застрелитесь, как герой. Выстрел ваш – он раздается на всю Россию. Он разбудит уснувшую совесть страны. Он послужит сигналом для нашей общественности. Имя ваше прольется из уст в уста. Ваша смерть станет лучшей темой для диспутов. Ваш портрет поместят на страницах газет, и вы станете ло-зунгом, гражданин Подсекальников.

Семен Семенович . До чего интересно, Аристарх Доминикович. Дальше. Дальше. Еще, Аристарх Доминикович.

Аристарх Доминикович . Вся российская интеллигенция со-берется у вашего гроба, гражданин Подсекальников. Цвет страны понесет вас отсюда на улицу. Вас завалят венками, гражданин Подсекальников. Катафалк ваш утонет в цветах, и прекрасные лошади в белых пополах повезут вас на клад-бище, гражданин Подсекальников.

Семен Семенович . Елки-палки. Вот это жизнь!

Аристарх Доминикович . Я бы сам застрелился, гражданин Подсекальников, но, к несчастью, не могу. Из-за принципа не могу. *(Смотрит на часы.)* Значит, так мы условимся. Вы со-ставьте конспектик предсмертной записочки... или, может быть, лучше я сам напишу, а вы просто подпишете и застре-литесь.

Семен Семенович . Нет, зачем же, я сам.

Аристарх Доминикович . Вы Пожарский. Вы Минин, граж-данин Подсекальников. Вы – титан. Разрешите прижать вас от имени русской интеллигенции. *(Обнимает.)* Я не плакал, когда умерла моя мать. Моя бедная мама, гражданин Подсе-кальников. А сейчас... А сейчас... *(Рыдая, уходит.)*

Явление четвертое

Семен Семенович один.

Семен Семенович . Пострадаю. Пострадаю за всех. И пре-красные лошади в белых пополах. Обязательно пострадаю. Где бумага? *(Ищет.)* Я сейчас их на чистую воду выведу. Где бумага? Сейчас я их всех обвиню. *(Ищет.)* Ну, попа-лись. Теперь трепещите, голубчики. Я всю правду сейчас напишу. Всю как есть. У меня этой правды хоть пруд пруди. *(Ищет.)* Что за черт! Вот какую устроили жизнь. Правда есть, а бумаги для правды нету. *(Подходит к двери. Откры-вает ее.)* Ухожу я.

Явление пятое

Из двери выбегают Мария Лукьяновна и Серафима Ильинична.

Мария Лукьяновна . Куда?

Семен Семенович . За бумагой. Для правды. Дайте шляпу и рупь, Серафима Ильинична. И потом я хотел тебе, Маша, сказать. Как ты выглядишь. Как ты выглядишь. Так нельзя. Ко мне люди приходят, интеллигенция. Это, Маша, обяза-вает.

Мария Лукьяновна . Что ж я, Сенечка, делать должна, по-твоему?

Семен Семенович . Приколи себе брошку какую-нибудь или голову вымой на всякий случай. Не забудь, что ты носишь фамилию Подсекальникова. Это все-таки с чем-то сопря-жено.

Серафима Ильинична подает ему шляпу и рубль.

Ну, идите, ступайте теперь на кухню.

Мария Лукьяновна и Серафима Ильинична ухо-дят.

Явление шестое

Семен Семенович надевает шляпу. Поднимает осколок раз-битого зеркала. Смотрится.

Семен Семенович . А действительно что-то есть у Пожарско-го от меня. И у Минина есть. Но у Минина меньше, чем у По-жарского.

Явление седьмое

Серафима Ильинична (*высунув голову*). К вам какая-то дама, Семен Семенович.
Семен Семенович . Пусть войдет.

Явление восьмое

В комнату входит Клеопатра Максимовна.

Клеопатра Максимовна . Что, мсье Подсекальников, – это вы?

Семен Семенович . Вуй, мадам. Лично я.

Клеопатра Максимовна . Познакомьтесь со мной. (*Протя-гивает руку.*) Клеопатра Максимовна. Но вы можете звать меня просто Капочкой.

Семен Семенович . Боже мой!

Клеопатра Максимовна . А теперь, раз мы с вами уже по-знакомились, я хочу попросить вас о маленьком одолжении.

Семен Семенович . Ради бога. Пожалуйста. Чем могу?

Клеопатра Максимовна . Господин Подсекальников, все равно вы стреляетесь. Будьте ласковы, застрелитесь из-за меня.

Семен Семенович . То есть как – из-за вас?

Клеопатра Максимовна . Ну, не будьте таким эгоистом, мсье Подсекальников. Застрелитесь из-за меня.

Семен Семенович . К сожалению, не могу. Я уже обещал.

Клеопатра Максимовна . Вы кому обещали? Раисе Филип-повне? Ой, зачем же? Да что вы! Мсье Подсекальников. Если вы из-за этой паскуды застрелитесь, то Олег Леонидович бро-сит меня. Лучше вы застрелитесь из-за меня, и Олег Леони-дович бросит ее. Потому что Олег Леонидович – он эстет, а Раиса Филипповна просто сука. Это я заявляю вам, как романтик. Она даже стаканы от страсти грызет. Она хочет, чтоб он целовал ее тело, она хочет сама целовать его тело, только тело, тело и тело. Я, напротив, хочу обожать его душу, я хочу, чтобы он обожал мою душу, только душу, душу и душу. Заступитесь за душу, господин Подсекальников, застрелитесь из-за меня. Возродите любовь. Возродите романтику. И тог-да... Сотни девушек соберутся у вашего гроба, мсье Под-секальников, сотни юношей понесут вас на нежных плечах, и прекрасные женщины...

Семен Семенович . В белых попонах.

Клеопатра Максимовна . Что?

Семен Семенович . Извиняюсь, увлекся, Клеопатра Максимовна.

Клеопатра Максимовна . Как? Уже? Вы какой-то безумец, мсье Подсекальников. Нет, нет, нет, не целуйте меня, пожа-луйста.

Семен Семенович . Уверю вас...

Клеопатра Максимовна . Верю, верю. Но ясно, что после этого вы должны отказаться от Раисы Филипповны.

Семен Семенович . Никакой я не видел Раисы Филипповны.

Клеопатра Максимовна . Ах, не видели. Так увидите. Вот увидите, что увидите. Она, может быть, даже сейчас прибе-жит. Она будет, наверное, вам рассказывать, что все в полном восторге от ее живота. Она вечно и всюду об этом рассказывает. Только это неправда, мсье Подсекальников, у нее совершенно заурядный живот. Уверяю вас. И потом, ведь живот не лицо, сплошь да рядом его абсолютно не видно. Вот лицо... Подойдите сюда. Вы заметили?

Семен Семенович . Нет.

Клеопатра Максимовна . То есть как это нет? Если здесь не-заметно, мсье Подсекальников, что я очень красивая на лицо, то пойдемте сейчас же отсюда ко мне, и вы сразу увидите. У меня над кроватью висит фотография. Обалдеете. Как по-смотрите, так воскликнете: «Клеопатра Максимовна – вы красавица».

Семен Семенович . Ну, не может быть!

Клеопатра Максимовна . Уверяю вас. Это прямо стихийно для вас обнаружится. Ну, пойдемте. Идемте, мсье Подсекаль-ников. Вы за кофеем там у меня и напишете.

Семен Семенович . Как – напишете? Что?

Клеопатра Максимовна . Все, что чувствуете. Что я вас раздавила своим обаянием, что вы на взаимность мою не надеетесь и поэтому даже, увы, стреляетесь. Мне смешно вас учить, господин Подсекальников, вы же сами эстет. Вы романтик, не правда ли?

Семен Семенович . Да. Давно.

Клеопатра Максимовна . Ну, вот видите. Так идемте, идемте, мсье Подсекальников.

Явление девятое

Входит Мария Лукьяновна. В руках у нее таз с водой, мыло и мочалка.

Клеопатра Максимовна . Все равно вам придется отсюда уйти, здесь сейчас будут пол мыть, мсье Подсекальников.

Мария Лукьяновна . И совсем даже вовсе не пол, а голову.

Клеопатра Максимовна . Я не с вами, голубушка, разговариваю. Это кто же такая вульгарная женщина?

Семен Семенович . Это... Это...

Мария Лукьяновна проходит в следующую комнату.

Кухарка моя, Клеопатра Максимовна.

Явление десятое

Входит Серафима Ильинична. В руках у нее веник и совок.

Серафима Ильинична . Вы куда же? Сейчас самовар закипит. Может, дамочка чаем у нас побалуется.

Семен Семенович . Фу-ты, черт! Вот что, Сима. Вы здесь приберите, пожалуйста, а я с дамою кофе поеду пить. Это... мама... кухаркина, Клеопатра Максимовна. Ну, пошли.

Уходят.

Явление одиннадцатое

Мария Лукьяновна и Серафима Ильинична.

Серафима Ильинична . Слава богу, все, Машенька, кажется, кончилось. Можешь

больше о Сене не беспокоиться.

Мария Лукьяновна . Не могу я не беспокоиться. Все равно вот я моюсь, а сама не своя. Столько это здоровья и нервов мне стоило.

Серафима Ильинична . Нервы что, вот посуды рублей на двенадцать раскокано. Это да. А стекла-то, стекла. Под столом. Под кроватью. Боже, господи мой. *(Лезет с веником под кровать.)*

Явление двенадцатое

В комнату входит Егорушка. Осматривается. Никого нет. Из соседней комнаты слышатся бульканье

воды и пофыркивание Марии Лукьяновны. Егорушка на цыпочках подкрадывается к двери и

заглядывает в замочную скважину. В это время Серафима Ильинична вылезает из-под кровати.

Серафима Ильинична . Вы это зачем же, молодой человек, такую порнографию делаете? Там женщина голову или даже еще чего хуже моет, а вы на нее в щель смотрите.

Егорушка . Я на нее, Серафима Ильинична, с марксистской точки зрения смотрел, а в этой точке никакой порнографии быть не может.

Серафима Ильинична . Что ж, по-вашему, с этой точки по-другому видать, что ли?

Егорушка . Не только что по-другому, а вовсе наоборот. Я на себе сколько раз проверял. Идешь это, знаете, по бульвару, и идет вам навстречу дамочка. Ну, конечно, у дамочки всякие фор-мы и всякие линии. И такая исходит от нее нестерпимая для глаз красота, что только зажмуришься и задышишь. Но сей-час же себя оборвешь и подумаешь: а взгляну-ка я на нее, Серафима Ильинична, с марксистской точки зрения – и... взглянешь. И что же вы думаете, Серафима Ильинична? Все с нее как рукой снимает, такая из женщины получается га-дость, я вам передать не могу. Я на свете теперь ничему не завидую. Я на все с этой точки могу посмотреть. Вот хотите сейчас, Серафима Ильинична, я на вас посмотрю?

Серафима Ильинична . Боже вас упаси.

Егорушка . Все равно посмотрю.

Серафима Ильинична . Караул!

Явление тринадцатое

Серафима Ильинична, Егорушка, Мария Лукьяновна.

Мария Лукьяновна . Что случилось?

Серафима Ильинична . Егорка до точки дошел.

Мария Лукьяновна . Что ты, мамочка, до какой?

Егорушка . До марксистской, Мария Лукьяновна. Здравствуйте.

Мария Лукьяновна . Вы по делу, Егорушка, или так?

Егорушка . Я насчет запятой к вам, Мария Лукьяновна.

Мария Лукьяновна . Как – насчет запятой?

Егорушка . Я, Мария Лукьяновна, стал писателем. Написал для га-зеты одно сочинение; только вот запятые не знаю где ставятся.

Мария Лукьяновна . Поздравляю. А свадьба когда же, Егорушка?

Егорушка . Почему это свадьба, Мария Лукьяновна?

Мария Лукьяновна . Ну, раз стали писателем, значит, влюби-лись. Значит, муза у вас появилась, Егорушка.

Егорушка . Сознаюсь, появилась, Мария Лукьяновна.

Мария Лукьяновна . Кто же, кто же она? Как же звать-то, Егорушка?

Егорушка . Музу?

Мария Лукьяновна . Да.

Егорушка . Александр Петрович Калабушкин.

Серафима Ильинична . Здравствуйте. Очумел.

Егорушка . Сознаюсь, очумел, Серафима Ильинична. Отродясь я писателем быть не готовился, но как только увидел его – ко-нец. До того он меня вдохновляет, Мария Лукьяновна, что рука прямо в ручку сама вгрызается и все пишет, все пишет, все пишет, все пишет.

Серафима Ильинична . Чем же он вдохновляет тебя, Егорушка?

Егорушка . Эротизмом своим, Серафима Ильинична. Я в газету об этом написал.

Мария Лукьяновна . Что же вы написали такое, Егорушка?

Егорушка . Если вы запятую мне после поставите, я могу прочи-тать. Начинается так. *(Читает.)* «Гражданину редактору нашей газеты от курьера советского учреждения. Ученые доказали, что на солнце бывают пятна. Таким пятном в поло-вом отношении является Александр Петрович Калабушкин, содержатель весов, силомера и тира в летнем саду „Красный Бомонд“. Силомер для курьеров не имеет значения, потому что мы силу свою измерили на гражданской войне за свобо-ду трудящихся; что касается тира, то тир закрыт и все лето не открывается. Тир закрыт, а курьеры хотят стрелять. Меж-ду тем Александр Петрович Калабушкин все вечернее время проводит в отсутствии и сидит в ресторане, как наглый са-мец, с Маргаритой Ивановной Пересветовой. Пусть редактор своею железной рукой вырвет с корнем его половую распу-щенность». А под этим подписано: «Тридцать пять тысяч курьеров».

Мария Лукьяновна . Неужели же тридцать пять тысяч подпи-сывало?

Егорушка . Нет, подписывал я один.

Серафима Ильинична . Так зачем же вы тридцать пять ты-сяч курьеров подписываете?

Егорушка . Это мой псевдоним, Серафима Ильинична.

Серафима Ильинична . Вы совсем очумели, Егор Тимо-феевич. Как вам только не совестно. Ни с того ни с сего че-ловека подводите.

Явление четырнадцатое

В комнату вбегают Александр Петрович и Маргари-та Ивановна.

Александр Петрович . Что, супруг ваш, Мария Лукьяновна, здесь?

Мария Лукьяновна . Как вы кстати. Скорее, товарищ Кала-бушкин. Вот Егор. Потолкните вы с ним, пожалуйста.

Александр Петрович . Да. В чем дело, Егор Тимофеевич?

Егорушка . Дело? Дело вот в чем, товарищ Калабушкин. «И си-дит в ресторане, как наглый самец». Запятая, по-вашему, где полагается?

Александр Петрович . Перед как.

Егорушка . Перед как. Ну, мерси вам. Бегу в редакцию. *(Убе-гает.)*

Явление пятнадцатое

Мария Лукьяновна, Серафима Ильинична, Алек-сандр Петрович, Маргарита Ивановна.

Мария Лукьяновна . Что вы сделали? Что вы сделали? Вы сейчас человеку неграмотность ликвидировали. А на что? На свою, Александр Петрович, голову. Разве вы, Алек-сандр Петрович, не знаете, кто такой этот наглый сидящий самец?

Александр Петрович . Нет. А кто?

Мария Лукьяновна . Вы, и больше никто иное.

Александр Петрович . Я?

Маргарита Ивановна . Пожалуйста, не прикидывайся. Созна-вайся, с какою ты шлюхой сидел.

Александр Петрович . Да, наверно, с тобой, Маргарита Ива-новна.

Серафима Ильинична . С вами, с вами.

Мария Лукьяновна . Так в точности там и написано. И про вас, и про тир, Маргарита Ивановна.

Александр Петрович . Догоните его. Возвратите его. И ска-жите, что тир непременно откроется. Ну, бегите, бегите, а то не догоните!

Мария Лукьяновна и Серафима Ильинична убе-гают.

Явление шестнадцатое

Александр Петрович, Маргарита Ивановна.

Александр Петрович . Что ты сделаешь?

Маргарита Ивановна . Все устроится, не тужи. Я в обиду тебя не дам. Ну, пойдем, побеседуем о покойнице.

Уходят в комнату Калабушкина.

Явление семнадцатое

Входит Никифор Арсентьевич Пугачев, мясник.

Пугачев . Вот так раз – никого.

Явление восемнадцатое

Входит Виктор Викторович, писатель.

Виктор Викторович . Гражданин Подсекальников – это вы?

Пугачев . Нет, я сам его жду.

Виктор Викторович . Вот что. Так-с.

Явление девятнадцатое

Входит отец Елпидий, священник.

Отец Елпидий . Виноват, Подсекальников – это вы?

Виктор Викторович . Нет, не я.

Отец Елпидий . Значит, вы?

Пугачев . Тоже нет.

Явление двадцатое

Входит Аристарх Доминикович Гранд-Скубик.

Отец Елпидий . Вот, наверное, он. Подсекальников – это вы?

Аристарх Доминикович . Что вы, нет.

Явление двадцать первое

Александр Петрович выходит из своей комнаты. Все бро-саются к нему.

Аристарх Доминикович . Александр Петрович!

Пугачев . Товарищ Калабушкин!

Явление двадцать второе

В комнату вихрем влетает Раиса Филипповна.

Раиса Филипповна . Вот вы где мне попались, товарищ Калабушкин. Отдавайте сейчас же пятнадцать рублей.

Александр Петрович . Вы зачем же при людях, Раиса Филип-повна?

Раиса Филипповна . А зачем же вы шахеры-махеры делаете? Вы меня обманули, товарищ Калабушкин. Вы надули меня со своим Подсекальниковым. Для чего я дала вам пятнадцать рублей? Чтобы он из-за этой паскуды застреливался? Вы мне что обещали, товарищ Калабушкин? Вы его для меня обеща-ли использовать, а его Клеопатра Максимовна пользует.

Виктор Викторович . Виноват! Как такое – Клеопатра Максимовна? Вы же мне обещали, товарищ Калабушкин.

Отец Елпидий . Вы ему обещали, товарищ Калабушкин? А за что же я деньги тогда заплатил?

Александр Петрович . А скажите, за что вы, товарищи, пла-тите, если вы покупаете лотерейный билет? За судьбу. За уча-стие в риске, товарищи. Так и здесь, в данном случае с Подсе-кальниковым. Незабвенный покойник пока еще жив, а пред-смертных записок большое количество. Кроме вас заплатило немало желающих. Например, вот такие записки составлены. «Умираю, как жертва национальности, затравили жида». «Жить не в силах по подлости фининспектора». «В смерти прошу никого не винить, кроме нашей любимой советской влас-ти». И так далее, и так далее. Все записочки будут ему предло-жены, а какую из них он, товарищи, выберет – я сказать не могу.

Аристарх Доминикович . Между прочим, он выбрал уже, то-варищи. Он стреляется в пользу интеллигенции. Я с ним толь-ко что лично об этом беседовал.

Александр Петрович . Я считаю, что это нахальство, Аристарх Доминикович. Вы должны были действовать через меня, так сказать, наравне с остальными клиентами.

Аристарх Доминикович . Отыщите клиентам другого покой-ника – пусть они подождут.

Александр Петрович . Подождите и вы.

Аристарх Доминикович . Что касается русской интеллиген-ции, то она больше ждать не в силах.

Пугачев . А торговля, по-вашему, в силах, товарищи?

Виктор Викторович . А святое искусство?

Отец Елпидий . А наша религия?

Раиса Филипповна . А любовь? Ведь сейчас наступила немая любовь. В настоящее время мужчины в минуты любви совер-шенно не разговаривают, только сопят. Уверяю вас. Только сопят. Я прошу вас об этом подумать, товарищи.

Аристарх Доминикович . Нет, вы лучше подумайте, дорогие товарищи, что такое есть наша интеллигенция. В настоящее время интеллигенция – это белая рабыня в гареме проле-тариата.

Пугачев . В таком случае в настоящее время торговля – это чер-ная рабыня в гареме пролетариата.

Виктор Викторович . В таком случае в настоящее время ис-кусство – это красная

рабыня в гареме пролетариата.

Пугачев . Что вы всё говорите – искусство, искусство. В нат стоящее время торговля тоже искусство.

Виктор Викторович . А что вы всё говорите – торговля, тор-говля. В настоящее время искусство тоже торговля. Ведь у нас, у писателей, музыкантская жизнь. Мы сидим в госу-дарстве за отдельным столом и все время играем туш. Туш гостям, туш хозяевам. Я хочу быть Толстым, а не барабанщиком.

Аристарх Доминикович . Мы хотим, чтобы к нам хоть не-много прислушались. Чтобы с нами считались, дорогие това-рищи.

Отец Елпидий . Мы должны завоевать молодежь.

Аристарх Доминикович . Да, но чем?

Виктор Викторович . Чем? Идеями.

Аристарх Доминикович . Но припомните, как это раньше де-лалось. Раньше люди имели идею и хотели за нее умирать. В на-стоящее время люди, которые хотят умирать, не имеют идеи, а люди, которые имеют идею, не хотят умирать. С этим надо бо-роться. Теперь больше, чем когда бы то ни было, нам нужны идеологические покойники.

Отец Елпидий . Пусть покойник льет воду на нашу мельницу.

Пугачев . Вы хотите сказать – на нашу.

Виктор Викторович . Да, на нашу, но не на вашу.

Аристарх Доминикович . Почему же на вашу, а не на нашу?

Виктор Викторович . Потому что на нашу, а не на вашу.

Отец Елпидий . Нет, на нашу.

Пугачев . Нет, на нашу.

Александр Петрович . Тише, тише, товарищи. Вы же все с од-ной мельницы, что вы спорите. Вы бы лучше его сообща использовали.

Раиса Филипповна . Очень мало на всех одного покойника.

Виктор Викторович . Нам не важен покойник как таковой. Важно то, что останется от покойника.

Пугачев . Ничего от покойника не останется.

Виктор Викторович . Нет, останется.

Пугачев . Что ж останется?

Виктор Викторович . Червячок. Вот в чем сила, товарищи. Вечный труженик, червячок. Червячок поползет и начнет под-тачивать.

Пугачев . Что подтачивать?

Виктор Викторович . Пусть начнет со слабейшего. Вы случай-но не знаете Федю Питунина?

Аристарх Доминикович . Кто такой?

Виктор Викторович . Замечательный тип. Положительный тип. Но с какой-то такой грустнотцой, товарищи. Нужно будет в него червячка заронить. Одного червячка. А вы слы-шали, как червяки размножаются?

Явление двадцать третье

Входит Семен Семенович.

Семен Семенович . Вы ко мне?

Аристарх Доминикович . Эти люди узнали о вашем прекрас-ном решении, гражданин Подсекальников, и пришли к вам, чтобы выразить свой восторг.

Пугачев . Вы последняя наша надежда, Семен Семенович.

Отец Елпидий . Вы сподвижник. Вы мученик.

Виктор Викторович . Вы герой.

Раиса Филипповна . Вы мой самый любимый герой современ-ности.

Семен Семенович . Что вы, право...
Раиса Филипповна . Не скромничайте, вы герой.
Аристарх Доминикович . Вы когда же решили стреляться, Семен Семенович?
Семен Семенович . Я еще не решил.
Раиса Филипповна . Ради бога, не скромничайте.
Аристарх Доминикович . Скажем, завтра в двенадцать часов вас устраивает?
Семен Семенович . Завтра?
Аристарх Доминикович . Отложите до завтра, Семен Семенович.
Отец Елпидий . Мы устроим вам проводы.
Пугачев . Мы закатим банкет вам, Семен Семенович.
Виктор Викторович . Мы вас чествовать будем, гражданин Подсекальников.
Аристарх Доминикович . Завтра в десять часов вас устраивает?
Семен Семенович . Завтра в десять?
Аристарх Доминикович . Банкет.
Семен Семенович . Ах, банкет... да, устраивает.
Аристарх Доминикович . Значит, так мы условимся. Завтра в десять часов начинаются проводы, ну а ровно в двенадцать вы тронетесь в путь.
Семен Семенович . В путь? Куда?
Аристарх Доминикович . Затрудняюсь сказать. В никуда... в неизвестное... Будем ждать...
Семен Семенович . Я дороги не знаю, дорогие товарищи.
Аристарх Доминикович . Мы заедем за вами, Семен Семенович. Ну, пока.

Уходят.

Явление двадцать четвертое

Семен Семенович один.

Семен Семенович . Завтра в путь. Надо вещи собрать. Порт-сигар... это брату отправлю... в Елец. И пальто... тоже брату... демисезонное... и штаны полосатые... Нет, штаны я, по-жалуй, надену сам... на банкет. На банкет хорошо полосатые.

Явление двадцать пятое

Серафима Ильинична и Мария Лукьяновна.

Мария Лукьяновна . Фу, запарились. Еле-еле догнали Егора Тимофеича.
Семен Семенович . Вот разгладьте штаны и заштопайте дырочку. Я их завтра надену,
Серафима Ильинична.
Серафима Ильинична . Для чего же задаром штаны трепать? Вы куда в них пойдете,
Семен Семенович?
Семен Семенович . В это... я... я на место устраиваюсь.
Мария Лукьяновна . Что ты, Сеня? Когда?
Семен Семенович . Завтра ровно в двенадцать часов.
Мария Лукьяновна . Наконец-то. Какое же место? Временное?
Семен Семенович . Нет, как будто бы навсегда.
Мария Лукьяновна . Мама, ставь утюги. Мы сейчас их и вы-гладим, и заштопаем.

Мария Лукьяновна и Серафима Ильинична со штанами убегают.

Явление двадцать шестое

Семен Семенович один.

Семен Семенович . Завтра ровно в двенадцать часов. Если ровно в двенадцать часов, что же будет со мной половина первого? Даже пять минут первого? Что? Кто же может ответить на этот вопрос? Кто?

Явление двадцать седьмое

Входят старушка и молодой человек. У молодого человека в руках сундучок и узел.

Старушка . Ничего, если он посидит у вас?

Семен Семенович . Кто?

Старушка . Вот племянничек к тетке Анисье приехал. А у тетки Анисьи-то дверь на замке. Вот пускай он минутку у вас посидит, а я живо за ихнюю тетушкой сбегая. Он мешать вам не будет, он тихой, Семен Семенович, из провинции.

Семен Семенович . Пусть сидит.

Старушка уходит. Молодой человек садится.

Явление двадцать восьмое

Семен Семенович и молодой человек. Пауза.

Семен Семенович . Как вы думаете, молодой человек? Ради бога, не перебивайте меня, вы сначала подумайте. Вот представьте, что завтра в двенадцать часов вы берете своей рукой револьвер. Ради бога, не перебивайте меня. Хорошо. Предположим, что вы берете... и вставляете дуло в рот. Нет, вставляете. Хорошо. Предположим, что вы вставляете. Вот вставляете. Вставили. И как только вы вставили, возникает секунда. Подойдемте к секунде по-философски. Что такое секунда? Тик-так. Да, тик-так. И стоит между тиком и таким стена. Да, стена, то есть дуло револьвера. Понимаете? Так вот дуло. Здесь тик. Здесь так. И вот тик, молодой человек, это еще все, а вот так, молодой человек, это уже ничего. Ничего. Понимаете? Почему? Потому что тут есть собачка. Подойдите к собачке по-философски. Вот подходите. Подошли. Нажимаем-те. И тогда раздается пиф-паф. И вот пиф – это еще тик, а вот паф – это уже так. И вот все, что касается тика и пифа, я понимаю, а вот все, что касается така и пафа, – совершенно не понимаю. Тик – и вот я еще и с собой, и с женою, и с тещею, с солнцем, с воздухом и водой, это я понимаю. Так – и вот я уже без жены... хотя я без жены – это я понимаю тоже, я без тещи... ну, это я даже совсем хорошо понимаю, но вот я без себя – это я совершенно не понимаю. Как же я без себя? Понимаете, я? Лично я. Подсекальников. Человек. Подойдем к человеку по-философски. Дарвин нам доказал на языке сухих цифр, что человек есть клетка. Ради бога, не перебивайте меня. Человек есть клетка. И томится в этой клетке душа. Это я понимаю. Вы стреляете, разбиваете выстрелом клетку, и тогда из нее вылетает душа. Вылетает. Летит. Ну, конечно, летит и кричит: «Осанна! Осанна!» Ну, конечно, ее подзывает Бог. Спрашивает: «Ты чья?» – «Подсекальникова». – «Ты страда-ла?» – «Я страдала». – «Ну, пойдя же попляши». И душа начинает плясать и петь. *(Поет.)* «Слава в вышних Богу и на земле мир и в человецех благоволение». Это я понимаю. Ну а если клетка пустая? Если души нет? Что тогда? Как тогда? Как, по-вашему? Есть загробная жизнь или нет? Я вас спрашиваю? *(Трясет его.)* Я вас спрашиваю – есть или нет? Есть или нет? Отвечайте мне. Отвечайте.

Входит старушка.

Явление двадцать девятое

Семен Семенович, старушка, молодой человек.

Старушка . Ну, спасибо, Семен Семенович. Вот я ключик достала от комнаты. А то он у них глухонемой, приехал, а сказать ни-чего не может. Ну, спасибо, спасибо.

Уходят.

Семен Семенович . Значит, завтра в двенадцать часов.

Действие третье

Ресторан под открытым небом в летнем саду «Красный Бомонд». За столом – Калабушкин, Гранд-Скубик, Пугачев, Виктор Викторович, отец Елпидий, Степан Ва-сильевич Пересветов, Маргарита Ивановна Пересветова, Клеопатра Максимовна, Раиса Фи-липповна, Зинка Падеспань, Груня. На скамьях, возле тира, – хор цыган.

Цыгане поют здравицу Подсекальникову. Семен Семенович опутан серпантинном и обсыпан кон-фетти.

Явление первое

Цыгане (*поют*).

К нам приехал наш родимый

Семен Семеныч дорогой.

Сеня, Сеня, Сеня,

Сеня, Сеня, Сеня,

Сеня, Сеня, пей до дна.

Сеня, Сеня, пей до дна.

Цыганка подает Семену Семеновичу бокал вина на перевернутой гитаре. Аплодисменты.

Пей до дна, пей до дна, пей до дна, пей до дна.

Семен Семенович выпивает вино, после чего вдребезги разбивает бокал. Гости аплодируют.

Пугачев . Вот гусар! Вот лихач! Вот действительно, это да!

Маргарита Ивановна . Вот за это люблю вас, Семен Семенович. Костя! Костенька! Костенька, черт!

Подбегает официант.

Запиши за бокал девяносто копеек. Пейте! Пейте! Вы что же, Семен Семенович?

Семен Семенович . Сколько времени? А?

Маргарита Ивановна . До двенадцати долго, Семен Семенович.

Семен Семенович . Долго?

Маргарита Ивановна . Долго, Семен Семенович. Вы не думай-те. Пейте, Семен Семенович.

Отец Елпидий (*наклонившись к Груне*). Раз пошел Пушкин в баню...

Груня . Вы про Пушкина мне не рассказывайте, я похабщины не люблю.

Семен Семенович . Человек!

Второй официант . Чего извольте-с?

Семен Семенович . Сколько времени, а?

Второй официант . Полагаю, что скоро двенадцать, Семен Семенович.

Семен Семенович . Скоро?

Второй официант . Скоро, Семен Семенович.

Отец Елпидий (*наклонившись к Раисе Филипповне*). Раз пошел Пушкин в баню...

Раиса Филипповна начинает ржать.

Раиса Филипповна (*сквозь ржанье*). Фу, бессовестный. Ой, не могу. Я сейчас так рельефно себе представила... Ну?

Отец Елпидий . Ну, пришел Пушкин в баню...

Аристарх Доминикович . Уважаемое собрание! Мы сейчас провожаем Семена Семеновича, если можно так выразиться, в лучший мир. В мир, откуда не возвращаются.

Степан Васильевич . За границу, наверно?

Аристарх Доминикович . Нет, подальше, Степан Васильевич.

Степан Васильевич . Пожелаю приятного путешествия.

Аристарх Доминикович . Вы зачем же перебиваете, гражд-данин!

Голоса . Тише... Тише...

Наступает мертвая тишина.

Отец Елпидий . Ну, Пушкин снимает подштанники.

Раиса Филипповна начинает ржать.

Голоса . Тише... Тише...

Раиса Филипповна (*ржа*). Я сейчас так рельефно себе пред-ставляю. Ну?

Аристарх Доминикович . Любимый Семен Семенович! Вы избрали прекрасный и правильный путь. Убежденно и сме-ло идите своей дорогой, и за вами пойдут другие.

Раиса Филипповна (*сквозь ржанье*). Ну, а банщица что?

Аристарх Доминикович . Много буйных, горячих и юных го-лов повернутся в открытую вами сторону, и тогда зарыдают над ними отцы, и тогда закричат над могилами матери, и тог-да содрогнется великая родина, и раскроются настежь ворота Кремля, и к ним выйдет наше правительство. И правитель протянет свою руку купцу, и купец свою руку протянет рабо-чему, и протянет рабочий свою руку заводчику, и заводчик протянет свою руку крестьянину, и крестьянин протянет свою руку помещику, и помещик протянет свою руку к своему по-местью, и свое поместье про... нет, хотя на своем поместье можно будет остановиться.

Отец Елпидий . Ну, а Пушкин ей в рифму на букву «дэ»...

Аристарх Доминикович . Честь и слава вам, милый Семен Семенович. Ура!

Все . Уррра-а-а...

Семен Семенович . Дорогие присутствующие...

Голоса . Тсссс...

Александр Петрович . Прошу тишины и внимания.

Наступает мертвая тишина.

Вот теперь говорите, Семен Семенович.

Семен Семенович . Сколько времени? А?

Мargarита Ивановна . Вы не думайте, пейте, Семен Семенович.

Пугачев . Я почти что не критик, Аристарх Доминикович, я мясник. Но я должен отметить, Аристарх Доминикович, что вы чудно изволили говорить. Я считаю, что будет прекрасно, Аристарх Доминикович, если наше правительство протянет руки.

Аристарх Доминикович . Я считаю, что будет еще прекраснее, если наше правительство протянет ноги.

Пугачев . Хучь бы руки покамест, Аристарх Доминикович.

Степан Васильевич . Вы меня извините, я раньше не знал, вы сегодня в двенадцать часов стреляетесь. Разрешите поэтому выпить за ваше здоровье.

Семен Семенович . А сейчас сколько времени?

Мargarита Ивановна . Вы не думайте, пейте, Семен Семенович.

Зинка Падеспань . Господа кавалеры, проявите себя. Предло-жите чего-нибудь очень веселого.

Отец Елпидий . Предлагаю собравшимся крикнуть «ура».

Виктор Викторович . Все!

Все . Уррра-а-а...

Александр Петрович . Человеки! Шампанского!

Пугачев . Ну-ка хором, за десять рублей, про душу.

Цыгане .

Ой, матушка, скушно мне,

Сударыня, грустно мне.

Отец Елпидий . Хоп!

Александр Петрович . Чеши!

Виктор Викторович . Шевели!

Отец Елпидий . Вот, действительно, в этом есть.

Пугачев . До чего вы, родные, меня растрогали.

Аристарх Доминикович . Я не плакал, когда умерла моя мать, моя бедная мама, дорогие товарищи. А сейчас... А сей-час... *(Рыдает.)*

Раиса Филипповна . Я сейчас так рельефно себе представи-ла: диктатура, республика, революция... А кому это нужно, скажите пожалуйста?

Виктор Викторович . Как – кому? Разве можно так ставить вопрос? Я не мыслю себя без советской республики. Я по-чти что согласен со всем, что в ней делается. Я хочу только маленькую добавочку. Я хочу, чтоб в дохе, да в степи, да на розвальнях, да под звон колокольный у светлой заутрени, заломив на затылок седого бобра, весь в цыганах, обнявшись с любимой собакой, мерить версты своей обездоленной ро-дины. Я хочу, чтобы лопались струны гитар, чтобы плакал ям-щик в домотканую варежку, чтобы выбросить шапку, упасть на сугроб и молиться и клясть, сквернословить и каяться, а потом опрокинуть холодную стопочку да присвистнуть, да ухнуть на всю вселенную и лететь... да по-нашему, да по-рус-скому, чтоб душа вырывалась к чертовой матери, чтоб вер-телась земля, как волчок, под полозьями, чтобы лошади пти-цей над полем распластывались. Эх вы, лошади, лошади, – что за лошади! И вот тройка не тройка уже, а Русь, и несется она, вдохновенная Богом. Русь, куда же несешься ты? Дай ответ.

Явление второе

Входит Егор Тимофеевич.

Егорушка . Прямо в милицию, будьте уверены.

Виктор Викторович . Как в милицию? Почему?

Егорушка . Потому что так ездить не полагается. Ездить можно согласно постановлению не быстрее пятидесяти верст в час.

Виктор Викторович . Но ведь это метафора, вдохновение.

Егорушка . Разрешите мне вам преподать совет: вдохновляйтесь согласно постановлениям. Что же, тир открывается или нет?

Александр Петрович . Из-за вас вся задержка, Егор Тимофе-евич, ждали, ждали, почти что совсем отчаялись.

Маргарита Ивановна . Осчастливьте, стаканчик, Егор Тимо-феевич.

Егорушка . Совершенно не пью.

Александр Петрович . Почему ж вы не пьете, Егор Тимо-феевич?

Егорушка . Очень страшно приучиваться.

Александр Петрович . Да чего же здесь страшного? Вы по-пробуйте.

Егорушка . Нет, боюсь.

Александр Петрович . Да чего ж вы боитесь, Егор Тимо-феевич?

Егорушка . Как чего? Может так получится, что только приучишь-ся, хватъ – наступит социализм, а при социализме вина не будет. Вот как хочешь тогда и выкручивайся.

Маргарита Ивановна . Только рюмку, всего лишь, одну лишь, за дам.

Егорушка . Между прочим, при социализме и дам не будет.

Пугачев . Ерунда-с. Человеку без дамочки не прожить.

Егорушка . Между прочим, при социализме и человека не бу-дет.

Виктор Викторович . Как не будет? А что же будет?

Егорушка . Массы, массы и массы. Огромная масса масс.

Александр Петрович . Вот за массы и выпейте.

Егорушка . Ну, за массы куда ни шло.

Пугачев . Наливайте.

Отец Елпидий . Покрепче.

Александр Петрович . Затягивай, Пашенька.

Цыгане (*поют*).

К нам приехал наш родимый

Егор Тимофеич дорогой.

Жоржик, Жоржик, Жоржик,

Жоржик, Жоржик, Жоржик.

Жоржик, Жоржик, пей до дна.

Жоржик, пей до дна.

Александр Петрович . Как-с находите?

Егорушка . Ничего. Я люблю, когда мне про меня поют, а то нын-че другие ерундой занимаются.

Виктор Викторович . Это, собственно, кто?

Егорушка . Да, к примеру, хоть вы. Вот скажите, писатель, об чем вы пишете?

Виктор Викторович . Обо всем.

Егорушка . Эка невидаль – обо всем. Обо всем и Толстой писал. Это нас не захватывает. Я курьер и хочу про курьеров читать. Вот что. Поняли?

Виктор Викторович . А вот я про литейщиков написал.

Егорушка . Ну, пускай вас литейщики и читают. А курьеров ли-тейщики не захватывают. Я опять заявляю: я курьер и хочу про курьеров читать – понимаете? Что вы скажете? Как, по-вашему?

Семен Семенович . А скажите, по-вашему как, Егорушка, есть загробная жизнь или нет?

Егорушка . В настоящее время возможно что есть, но при социализме не будет. Это я гарантирую.

Маргарита Ивановна . Что ж вы встали? Идите сюда. Приса-живайтесь.

Клеопатра Максимовна . Познакомьтесь со мной – Клеопатра Максимовна.

Раиса Филипповна (*за столом, соседу*). Мне Олег Леонидо-вич прямо сказал: «У меня твой прекрасный живот, Раиса, не выходит из головы».

Александр Петрович . За здоровьице массы, Егор Тимо-феевич.

Егорушка . Не могу отказаться. Всегда готов.

Груня (*socedu*). Ну, конечно, я ей, как сестра, говорю: «Ну зачем, говорю, ты к нему пойдешь? Пять рублей заработаешь, двадцать пролечишь».

Александр Петрович . За здоровьице массы, Егор Тимофеевич.

Егорушка . Не могу... отказаться. Всегда готов.

Маргарита Ивановна . Вы не ешьте, вы пейте, Семен Семенович.

Отец Елпидий . Первая за дам.

Зинка Падеспань . Мерси, батюшка.

Клеопатра Максимовна . Вы не видели жизни, Егор Тимофеевич. Есть другая, прекрасная, чудная жизнь. Жизнь с бельем, с обстановкой, мехами, косметикой. Неужели, сознайтесь, Егор Тимофеевич, вас отсюда не тянет, ну, скажем, в Париж?

Егорушка . Сознаюсь, Клеопатра Максимовна, тянет. Я стал деньги от этого даже копить.

Клеопатра Максимовна . На поездку?

Егорушка . На башню, Клеопатра Максимовна.

Клеопатра Максимовна . На какую же башню?

Егорушка . На очень высокую.

Клеопатра Максимовна . Для чего же вам башня, Егор Тимофеевич?

Егорушка . То есть как для чего? Вы представьте, что башня уже построена. И как только затянет меня в Париж, я сейчас же залезаю на эту башню и смотрю на Париж, Клеопатра Максимовна, с марксистской точки зрения.

Клеопатра Максимовна . Ну, и что?

Егорушка . Ну, и жить не захочется в этом Париже.

Клеопатра Максимовна . Почему?

Егорушка . Вам меня не понять, Клеопатра Максимовна, потому что вы женщина потустороннего класса.

Аристарх Доминикович . Как же так, извиняюсь, потустороннего? А позвольте спросить вас, Егор Тимофеевич: кто же сделал, по-вашему, революцию?

Егорушка . Революцию? Я. То есть мы.

Аристарх Доминикович . Вы сужаете тему, Егор Тимофеевич. Разрешите, я вам поясню свою мысль аллегорией.

Егорушка . Не могу отказаться. Всегда готов.

Аристарх Доминикович . Так сказать, аллегорией звериного быта домашних животных.

Все . Просим!.. Просим!

Маргарита Ивановна . Вы не слушайте, пейте, Семен Семенович.

Аристарх Доминикович . Под одну сердобольную курицу подложили утиные яйца. Много лет она их высиживала. Много лет согревала своим теплом, наконец высидела. Утки вылупились из яиц, с ликованием вылезли из-под курицы, ухватили ее за шиворот и потащили к реке. «Я ваша мама, – вскричала курица, – я сидела на вас. Что вы делаете?» – «Пльви», – заревели утки. Понимаете аллегория?

Голоса . Чтой-то нет.

– Не совсем.

Аристарх Доминикович . Кто, по-вашему, эта курица? Это наша интеллигенция. Кто, по-вашему, эти яйца? Яйца эти – пролетариат. Много лет просидела интеллигенция на пролетариате, много лет просидела она на нем. Все высиживала, все высиживала, наконец высидела. Пролетарии вылупились из яиц. Ухватили интеллигенцию и потащили к реке. «Я ваша мама, – вскричала интеллигенция. – Я сидела на вас. Что вы делаете?» – «Пльви», – заревели утки. «Я не плаваю». – «Ну, лети». – «Разве курица птица?» – сказала интеллигенция. «Ну, сиди». И действительно посадили. Вот мой шуринок сидит уже пятый год. Понимаете аллегория?

Зинка Падеспань . Что же здесь не понять? Он казенные деньги растратил, наверное.

Аристарх Доминикович . Деньги – это деталь. Вы скажите, за что же мы их высиживали? Знать бы раньше, так мы бы из этих яиц... Что бы вы, гражданин Подсекальников, сде-лали?

Семен Семенович . Гоголь-моголь.

Аристарх Доминикович . Вы гений, Семен Семенович. Золо-тые слова.

Груня . Вы о чем заскучали, гражданин Подсекальников?

Семен Семенович . Вот скажите вы мне, дорогие товарищи, мо-жете ли вы понимать суть, и если вы можете ее понимать, то скажите вы мне, дорогие товарищи, – есть загробная жизнь или нет?

Александр Петрович . Про загробную жизнь вы у батюшки спрашивайте. Это их специальность.

Отец Елпидий . Как прикажете отвечать: по религии или по совести?

Семен Семенович . А какая же разница?

Отец Елпидий . Ко-лос-саль-на-я. Или можно еще по науке ска-зать.

Семен Семенович . Мне по-верному, батюшка.

Отец Елпидий . По религии – есть. По науке – нету. А по со-вести – никому не известно.

Семен Семенович . Никому? Значит, нечего даже и спра-шивать?

Пугачев . А зачем же вам спрашивать? Вот чудак. Вы же сами ми-нут через тридцать узнаете.

Семен Семенович . Через тридцать? Так, значит, сейчас половина двенадцатого? Как... Уже половина двенадца-того?

Маргарита Ивановна . Вы не думайте, пейте, Семен Семенович.

Семен Семенович . Неужели уже половина двенадцатого? По-ловина двена... Отпевайте меня, дорогие товарищи. Пойте, милые. Пойте, сволочи.

Цыгане гаркают хоровую.

Пострадаю за всех. Пострадаю за вас.

Цыгане . Эх, раз! Еще раз!

Семен Семенович . Вот когда наступила, товарищи, жизнь. На-ступила за тридцать минут до смерти.

Егорушка . За здоровьице масс!

Цыгане . Эх, раз! Еще раз!

Семен Семенович . Массы! Слушайте Подсекальникова! Я сей-час умираю. А кто виноват? Виноваты вожди, дорогие това-рищи. Подойдите вплотную к любому вождю и спросите его: «Что вы сделали для Подсекальникова?» И он вам не отве-тит на этот вопрос, потому что он даже не знает, товарищи, что в советской республике есть Подсекальников. Подсекаль-ников есть, дорогие товарищи. Вот он я. Вам оттуда не видно меня, товарищи. Подождите немножечко. Я достигну таких грандиозных размеров, что вы с каждого места меня увиди-те. Я не жизнью, так смертью своею возьму. Я умру и, зары-тый, начну разговаривать. Я скажу им открыто и смело за всех. Я скажу им, что я умираю за... что я за... Тьфу ты, черт! Как же я им скажу, за что я, товарищи, умираю, если я даже предсмертной записки своей не читал.

Аристарх Доминикович . Мы сейчас все устроим, Семен Семенович. Дайте кресло и стол, Маргарита Ивановна.

Маргарита Ивановна . Костя, стол!

Официанты вносят стол и кресло. На столе письменный при-бор, бумага, ваза с цветами, бутылка шампанского и рабочая лампа с зеленым абажуром.

Аристарх Доминикович . Потрудитесь прочесть, гражданин Подсекальников.

Семен Семенович . Это что?

Аристарх Доминикович . Здесь написано.

Семен Семенович . «Почему я не в силах жить!» Вот, вот, вот. Я давно уже этим интересуюсь.

Аристарх Доминикович . Так садитесь и переписывайте.

Семен Семенович садится за стол.

Мы не будем мешать вам, Семен Семенович. Будьте добры, маэстро, негромкий вальс.

Музыка.

Семен Семенович (*переписывает*). «Почему я не в силах жить!» Восклицательный знак. Дальше. «Люди и члены партии, посмотрите в глаза истории». Как написано! А! «По-смотрите в глаза истории». Замечательно. Красота.

Пугачев . Уважаемые, до чего я люблю красоту, даже страшно становится. Красота, уважаемые...

Зинка Падеспань . Вольдемар, вы начнете сейчас блевать. Уверю вас.

Пугачев . Я? Пожалуйста. Сколько хотите.

Семен Семенович (*читает*). «Потому что нас всех коснулся очистительный вихрь революции!» Восклицательный знак. С красной строки. (*Переписывает.*)

Клеопатра Максимовна . Мне претит эта скучная, серая жизнь. Я хочу диссонансов, Егор Тимофеевич.

Егорушка . Человек!

Костя . Что прикажете?

Егорушка . Диссонансов. Два раза. Для меня и для барышни.

Костя . Сей минут.

Семен Семенович (*читает*). «Помните, что интеллигенция соль нации и, если ее не станет, вам нечем будет посолить кашу, которую вы заварили». Значит, так: помните... (*Переписывает.*)

Виктор Викторович . Червячок уже есть, Аристарх Доминикович.

Аристарх Доминикович . Это вы про кого?

Виктор Викторович . Я вчера вам говорил про Федю Питунина. Замечательный тип, положительный тип, но уже с червяч-ком, Аристарх Доминикович.

Раиса Филипповна . Говорят, что вы были за рубежом?

Виктор Викторович . Был в рабочих кварталах Франции.

Раиса Филипповна . А скажите, во Франции в этом сезоне парижанки какие же груди носят – маленькие или боль-шие?

Виктор Викторович . Кто как может, смотря по средствам.

Клеопатра Максимовна . Между прочим, я так и думала. Ах, Париж... А у нас? Ведь у нас даже дама со средствами сплошь да рядом должна оставаться такой, какова она есть.

Семен Семенович . Дайте волю интеллигенции.

Пугачев . Дайте ванную. Дайте ванную. Маргарита Ивановна, дайте ванную.

Маргарита Ивановна . Для чего?

Пугачев . Мы сейчас проституток в ней будем купать.

Семен Семенович . Восклицательный знак. Вот за что я, това-рищи, умираю. Подпись.

Пугачев начинает плакать.

Зинка Падеспань . Что случилось? О чем вы, Никифор Арсентьевич?

Пугачев . Заболел я. Госка у меня... по родине.

Аристарх Доминикович . Как по родине? Вы какой же на-циональности?

Пугачев . Русский я, дорогие товарищи.

Семен Семенович . Разлюбозные граждане, что я могу?..

Голоса . Что такое?

Семен Семенович . Нет, вы знаете, что я могу? Нет, вы знае-те, что я могу? Я могу никого не бояться, товарищи. Ни-кого. Что хочу, то и сделаю. Все равно умирать. Все равно умирать. Понимаете? Что хочу, то и сделаю. Боже мой! Все могу. Боже мой! Никого не боюсь. В первый раз за всю жизнь никого не боюсь. Захочу вот – пойду на любое со-брание, на любое, заметьте себе, товарищи, и могу предсе-дателю... язык показать. Не могу? Нет, могу, дорогие това-рищи. В том все дело, что все могу. Никого не боюсь. Вот в Союзе сто сорок миллионов, товарищи, и кого-нибудь каж-дый миллион боится, а я никого не боюсь. Никого. Все рав-но умирать. Все равно умирать. Ой, держите, а то я плясать начну. Я сегодня над всеми людьми владычествую. Я – дик-татор. Я – царь, дорогие товарищи. Все могу. Что хочу, то и сделаю. Что бы сделать такое? Что бы сделать такое со своей сумасшедшей властью, товарищи? Что бы сделать такое, для всего человечества... Знаю. Знаю. Нашел. До чего это будет божественно, граждане. Я сейчас, дорогие това-рищи, в Кремль позвоню. Прямо в Кремль. Прямо в крас-ное сердце советской республики. Позвоню... и кого-нибудь там... изругаю по-матерному. Что вы скажете? А? (*Идет к автомату.*)

Аристарх Доминикович . Ради бога!

Клеопатра Максимовна . Не надо, Семен Семенович.

Отец Елпидий . Что вы делаете?

Маргарита Ивановна . Караул!

Семен Семенович . Цыц! (*Снимает трубку.*) Все молчат, ког-да колосс разговаривает с колоссом. Дайте Кремль. Вы не бойтесь, не бойтесь, давайте, барышня. Ктой-то? Кремль? Говорит Подсекальников. Под-се-каль-ни-ков. Индивидуум. Ин-ди-ви-ду-ум. Позовите кого-нибудь самого главного. Нет у вас? Ну, тогда передайте ему от меня, что я Маркса про-чел и мне Маркс не понравился. Цыц! Не перебивайте меня. И потом передайте ему еще, что я их посылаю... Вы слушае-те? Боже мой. (*Остолбенел. Выронил трубку.*)

Аристарх Доминикович . Что случилось?

Семен Семенович . Повесили.

Виктор Викторович . Как?

Отец Елпидий . Кого?

Семен Семенович . Трубку. Трубку повесили. Испугались. Меня испугались. Вы чувствуете? Постигаете ситуацию? Кремль – меня. Что же я представляю собою, товарищи? Это боязно даже анализировать. Нет, вы только подумайте. С самого ран-него детства я хотел быть гениальным человеком, но роди-тели мои были против. Для чего же я жил? Для чего? Для ста-тистики. Жизнь моя, сколько лет издевалась ты надо мной. Сколько лет ты меня оскорбляла, жизнь. Но сегодня мой час настал. Жизнь, я требую сатисфакции.

Бьет 12 часов. Гробовое молчание.

Маргарита Ивановна . Собирайтесь, Семен Семенович.

Семен Семенович . Как, уже? А они не вперед у вас, Марга-рита Ивановна?

Маргарита Ивановна . Нет, у нас по почтамту, Семен Семенович.

Пауза.

Александр Петрович . Что же, присядемте, по обычаю.

Все садятся. Пауза.

Семен Семенович . Ну, прощайте, товарищи. (*Идет к выходу. Возвращается, берет бутылку, прячет в карман.*) Извиня-юсь, для храбрости. (*Идет к выходу.*)

Официант . Приходите опять к нам, Семен Семенович.

Семен Семенович . Нет, теперь уже вы приходите ко мне. (*Ухо-дит.*)

Действие четвертое

Комната в квартире Подсекальникова.

Явление первое

Серафима Ильинична сбивает в стакане гоголь-моголь.

Серафима Ильинична (*поет*) .

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молния блистала,
И непрерывно гром гремел,
И в дебрях буря бушевала.

Серафима Ильинична и Мария Лукьяновна (*из другой комнаты*).

И непрерывно гром гремел,
И в дебрях буря бушевала.

Серафима Ильинична . «Вы спите, юные...»

Мария Лукьяновна (*из другой комнаты*). Мама? Мамочка!

Серафима Ильинична . Что тебе?

Явление второе

Мария Лукьяновна с керосиновой лампой в руках. В ламповое стекло воткнуты щипцы для завивки волос.

Мария Лукьяновна . Как, по-твоему, Сенечке лучше понравится: мелкой зыбью завиться или крупными волнами?

Серафима Ильинична . Разве, Машенька, догадаешься?

Мария Лукьяновна . Как же все-таки быть?

Серафима Ильинична . Я тебе посоветую, Машенька, так: сделай спереди мелко, а сзади крупно, вот и будет без про-маха. (*Поет.*) «Вы спите, юные...»

Мария Лукьяновна . Он, наверное, скоро вернется, мамочка, ты живей растирай.

Серафима Ильинична . Я и так, как динамо-машина, рабо-таю – два желтка наvertsела на полный стакан.

Мария Лукьяновна . До чего он любитель до гоголя, страсть.

Серафима Ильинична . Пусть уж нынче полакомится. (*Поет.*)

Вы спите, юные герои.
Друзья, под бурю ревушей...

Мария Лукьяновна . Как ты, мамочка, думаешь – он на ме-сто устроится или нет?

Серафима Ильинична . А то как же? Теперь непременно устроится.

Мария Лукьяновна . Скажут – нету работы, и кончен бал.

Серафима Ильинична . Разве может в России не быть рабо-ты, да у нас ее хватит хоть на все человечество, только знай поворачивайся.

Мария Лукьяновна . По какой же причине не все работают?

Серафима Ильинична . По причине протекции.

Мария Лукьяновна . Почему ж это так?

Серафима Ильинична . Потому что в России так много ра-боты, что для каждого места не хватает протекции. Скажем, место имеется, а протекции нет, вот оно и пустует от этого, Машенька. А уж если у Сенечки есть протекция, то работа отыщется – будь покойна.

Мария Лукьяновна . Неужели мы, мама, опять заживем.

Серафима Ильинична . Заживем, обязательно заживем. *(Поет.)*

Заутра глас раздастся мой,
На славу и на смерть зовущий.

Обе .

Заутра глас раздастся мой,
На славу и на смерть зовущий.

Мария Лукьяновна . Это что за письмо?

Серафима Ильинична . Брось, наверное, старое.

Мария Лукьяновна . Нет, не старое... запечатано... и тебе адресовано.

Серафима Ильинична . Ну-ка, Машенька, прочитай.

Мария Лукьяновна . Что такое? *(Читает.)* «Многоуважаемая Серафима Ильинична, когда вы прочтете это письмо, меня уже не будет в живых. Предупредите поосторожней Машу».

Серафима Ильинична . Боже праведный!

Мария Лукьяновна . погоди. *(Читает.)* «Пальто мое демисезонное и портсигар отправьте брату в Елец. Семен». Как же это возможно? Да что ж это? Батюшки! *(Падает на кровать. Рыдает.)*

Серафима Ильинична . Маша! Машенька! Ну, не плачь, ради бога, не плачь.

Явление третье

Распахнув двери, входят Гранд-Скубик, отец Елпидий, Калабушкин, модистка, портниха, Маргарита Ивановна.

Отец Елпидий . Плачьте, плачьте, вдова Подсекальниковна. Об-нимите детей своих и взывайте с рыданием: «Где ваш папоч-ка? Нету папочки. Нету папочки и не будет».

Александр Петрович . И не было.

Отец Елпидий . Чего?

Александр Петрович . Папочки не было, я говорю.

Отец Елпидий . Почему?

Александр Петрович . Потому что деточек не было.

Отец Елпидий . Не было. Вот так фунт! Ничего не поделаешь– промахнулся. Нету папочки, значит, и не было. Плачьте, плачьте, вдова Подсекальниковна...

Аристарх Доминикович . Лучше после об этом, отец Елпи-дий. Дайте я. Дорогая Мария Лукьяновна, разрешите мне обратиться к вам с маленькой просьбой от имени русской интеллигенции. Муж ваш умер, но труп его полон жизни, он живет среди нас, как общественный факт. Давайте же вме-сте поддерживать эту жизнь. Я кончил. А теперь, Генриетта Степановна, приступите, пожалуйста, к вашим обязанностям.

Модистка . Пардон, мадам. Мадам интересуется обыкновенной соломкой или рисовой, или, может быть, мадам интересуется фетром? Вот опять же вполне элегантная шляпа для похорон.

Мария Лукьяновна . Ничего мне не нужно... зачем это... боже мой...

Маргарита Ивановна . Вы напрасно, Мария Лукьяновна, так относитесь, погребение будет довольно шикарное, для чего же вам выглядеть хуже всех.

Серафима Ильинична . Да откуда шикарное, Маргарита Ивановна? На какие шиши нам его хоронить?

Александр Петрович . Вы об этом не думайте, Серафима Ильинична. От преданья земле до пошивки траура – все шиши эти люди берут на себя.

Портниха . Может быть, мы приступим к примерке, сударыня?

Мария Лукьяновна . Не могу я... не троньте меня... товарищи.

Аристарх Доминикович . Слез не надо, вдова. Муж ваш умер героем – о чем же вы плачете?

Мария Лукьяновна . Жить-то как же мне... господи...

Аристарх Доминикович . Я скажу вам на это, Мария Лукьяновна: живите так же, как умер ваш муж, ибо умер он смертью, достойною подражания.

Портниха (*снимая мерку*). Длина переда сорок один.

Аристарх Доминикович . Один, совершенно один, с писто-летом в руках, вышел он на большую дорогу нашей русской истории.

Портниха (*снимая мерку*). Длина зада девяносто четыре.

Аристарх Доминикович . Он упал на нее и остался лежать...

Серафима Ильинична . Где остался лежать?

Александр Петрович . На дороге истории, Серафима Ильинична.

Серафима Ильинична . Это где же такое? Далеко от нас?

Александр Петрович . Да, довольно порядочно.

Аристарх Доминикович . И остался лежать страшным кам-нем всеобщего преткновения.

Портниха . Или, может быть, вы обожаете рюшики?

Аристарх Доминикович . Пусть же тот, кто шагает по этой дороге, Мария Лукьяновна, споткнется сегодня о труп Подсекальникова.

Модистка . Вот прекрасная шляпка фасон фантази, можно сделать из крепа поля колокольчиком.

Аристарх Доминикович . И когда он споткнется, Мария Лукьяновна, он, конечно, посмотрит под ноги, и когда он по-смотрит под ноги, он, конечно, увидит нас. И мы скажем ему...

Модистка . Разрешите прикинуть на вас, сударыня.

Аристарх Доминикович . Вы, шагающий по дороге истории государственный муж и строитель жизни, посмотрите поглуб-же на труп Подсекальникова.

Серафима Ильинична . Глубже, глубже.

Маргарита Ивановна . И набок.

Модистка . Вот так. Восхитительно.

Аристарх Доминикович . И тогда он посмотрит и спро-сит нас: «Что же он означает, сей труп Подсекальнико-ва?» И мы скажем ему: «Это наша рецензия на вашу ра-боту».

Портниха . Вы хотите гофрэ или, может быть, клешики?

Аристарх Доминикович . Да, супруг ваш скончался героем, Мария Лукьяновна.

Мария Лукьяновна . А скажите, нельзя и гофрэ, и клешики?

Аристарх Доминикович . Честь и слава супругу вдовы Подсекальниковой, честь и слава жене дорогого покой-ника!

Серафима Ильинична . А он где же находится?

Аристарх Доминикович . Это нужно узнать в отделении ми-лиции. Мы сейчас вас покинем, Мария Лукьяновна, но вер-немся опять. Мы теперь не оставим вас в вашем

несчастью. Я не плакал, когда умерла моя мать, моя бедная мама, Мария Лукьяновна. А сейчас... а сейчас... разрешите, я вас поцелую от имени всех присутствующих. (Целует.)

Александр Петрович . Разрешите, и я.

Маргарита Ивановна . Александр!

Уходят.

Явление четвертое

Мария Лукьяновна, Серафима Ильинична.

Серафима Ильинична . До чего симпатичные господа. Зна-чит, есть еще люди хорошие, Машенька.

Мария Лукьяновна . Люди, мамочка, есть, а Семена нету.

Серафима Ильинична . Нет родимого! Нет сердешного! А примерка тебе на когда назначена?

Мария Лукьяновна . Нынче в три. У нее. Вот и адрес на кар-точке.

Серафима Ильинична . Ателье-мастерская мадам Софи. До-рогая, наверное.

Мария Лукьяновна . Ясно, что не дешевая, по ухваткам видать.

Серафима Ильинична . Ты бы, Машенька, шляпку сняла, истреплется.

Мария Лукьяновна . Пусть истреплется. Ничего мне не жал-ко на свете, мамочка. Все равно мне не жить. Для чего мне нужна моя жизнь окаянная, если полного счастья ни разу не было. Сеня был – шляпы не было, шляпа стала – Семена нет. Господи! Почему же ты сразу всего не даешь?

Стук в дверь.

Серафима Ильинична . Кто там?

Явление пятое

Два подозрительных типа вносят в комнату безжиз-ненное тело Семена Семеновича.

Мария Лукьяновна . Мамочка! Боже!

Серафима Ильинична . Святые угодники! Вот сюда опускайте его, сюда!

Мария Лукьяновна . Сеня, милый, да что ж ты наделал, Се-нечка.

Первый . Ничего не попишешь – абсурд судьбы.

Второй . Так сказать, не застигнут на четверть минуточки.

Серафима Ильинична . Неужели вы видели?

Второй . Все как есть.

Первый . Поначалу, действительно, мы не заметили, но потом он, действительно, говорит: «Отвезите меня, говорит, по адресу». Ну и что же вы думаете? Только мы от него отошли немнож-ко, он заходит за дерево, постоял да как ахнет – и брык с катушек. Мы, конечно, обратно, но поздно, действитель-но. Подбежали, лежит он – ни бе ни ме.

Второй . Так сказать, приведен в состояние духа.

Мария Лукьяновна плачет.

Первый . Долго будет она убиваться, по-вашему, или нет?

Серафима Ильинична . Дай-то бог через год, через два очу-хается.

Первый . Через год, через два. Это нас не устраивает. Мы уж луч-ше пойдем.

Уходят.

Явление шестое

Серафима Ильинична, Мария Лукьяновна. Тело Семена Семеновича.

Мария Лукьяновна . Не сумели мы с мамой тебя уберечь, вот ты и умер, Семен Семенович.

Семен Семенович . Умер, кто умер? Я умер. Ой, держите меня!

Обе . Караул!

Семен Семенович . Ой, держите, держите! Лечу, лечу! Осан-на! Осанна!

Мария Лукьяновна . Сеня! Сеня!

Серафима Ильинична . Семен Семенович!

Семен Семенович . Кто со мной разговаривает?

Мария Лукьяновна . Это я, Мария.

Семен Семенович . Мария? Это какая Мария? Бога слово родшая? Сущяя Богородица? Сущяя Богородица, я не виновата.

Мария Лукьяновна . Что ты, Сенечка? Это я, бог с тобой!

Семен Семенович . Бог со мной. Извиняюсь, я вас не узнал. Раз-решите представиться: душа Подсекальникова.

Мария Лукьяновна . Он с ума сошел, мамочка.

Серафима Ильинична . Где вы были, Семен Семенович? Что вы делали?

Семен Семенович . Я страдала.

Серафима Ильинична . Как страдала?

Семен Семенович . Отче наш, вы не думайте, что я вру. У меня есть все данные на царство небесное. Отче наш, прикажите, я буду плясать и петь. *(Поет.)* «Слава в вышних Богу и на земле, мир и...»

Серафима Ильинична . Вы придите в себя. Очухайтесь.

Семен Семенович . Отче наш...

Серафима Ильинична . Я не отче, я теща, Семен Семенович.

Семен Семенович . Кто?

Серафима Ильинична . Теща ваша, Семен Семенович.

Семен Семенович . Теща? Вот тебе раз. Вы когда же скапустились, Серафима Ильинична?

Мария Лукьяновна . Это бред. Он, наверное, ранил себя куда-нибудь. *(Наклоняется над ним.)* Сеня, милый, ты ра... Фу...

Серафима Ильинична . Что такое?

Мария Лукьяновна . Понюхай его, пожалуйста.

Серафима Ильинична . Поздравляю вас. Здравствуйте. Где же вы нализались, Семен Семенович?

Семен Семенович . Честнейшая херувим и славнейшая без сравнения Серафима Ильинична, где здесь можно зачислить-ся в сонм? Вы не знаете?

Мария Лукьяновна . Что ты скажешь. Опять балаган начина-ется.

Серафима Ильинична . Дай графин. Обливай ему, Машень-ка, голову. Лей смелее. Не бойся, не бойся, окачивай.

Семен Семенович . Где я?.. Батюшки... это этот свет или тот?

Серафима Ильинична . Этот, этот.

Мария Лукьяновна . Ты что же придумал, бессовестный? Сам оставил записку, что уходишь застреливаться, а сам водки на-кушался вместо этого. Ах ты, сукин ты сын. Ты меня до аго-нии чуть не довел. Я здесь плачу, рыдаю со своим малокро-вием...

Семен Семенович . Погоди.

Мария Лукьяновна . Нет уж, ты погоди. Я здесь плачу, рыдаю со своим малокровием

и хожу в положении безутешной вдо-вы, а ты вовсе не умер и даже пьянствуешь. Что же, ты хочешь живой меня в гроб уложить? Почему ты молчишь? Отвечай, когда спрашивают!

Семен Семенович . Погоди.

Мария Лукьяновна . Ну?

Семен Семенович . Сколько времени, а?

Мария Лукьяновна . Сколько времени – два часа.

Семен Семенович . Два часа. Как же это случилось такое? Гос-поди! Я же должен в двенадцать, в двенадцать, Машенька. Стой! Когда я сюда пришел?

Серафима Ильинична . Вы не шли, вас тащили, Семен Семенович.

Семен Семенович . Кто тащил?

Серафима Ильинична . Два каких-то мужчины противной на-ружности.

Семен Семенович . Два мужчины... действительно... было... как будто бы... на бульваре... подсели... и вместе... из горлышка.

Мария Лукьяновна . Ты уж прямо из горлышка хлещешь, бес-совестный!

Семен Семенович . Я для храбрости, Машенька, пил, для храб-рости. Все для храбрости, Машенька, пил и пил. А с послед-ней бутылкой зашел за дерево, думал – выпью последнюю и смогу. Выпить выпил, а смочь не смог.

Мария Лукьяновна . Для чего ты затеял всю эту комедию? Чем тебе не жилось?

Семен Семенович . Приходил сюда кто-нибудь или нет?

Серафима Ильинична . Очень даже, скажу вам, нарядная публика.

Семен Семенович . Ну и что же она?

Серафима Ильинична . Говорила слова, выражала сочув-ствие.

Мария Лукьяновна . Все расходы берем, говорят, на себя, муж ваш умер героем, Мария Лукьяновна.

Серафима Ильинична . Как же мы им в глаза теперь будем смотреть?

Мария Лукьяновна . Ведь они все расходы обратно потре-буют.

Серафима Ильинична . В это время ей, может быть, траур шьют. И какая портниха. Мадам Софи... Это встанет в копей-ку, Семен Семенович.

Мария Лукьяновна . Вдруг они еще, к нашему счастью, не начали. Едем, мама, к Софи.

Семен Семенович . Подождите еще, ведь не все потеряно. Я еще застрелюсь.

Мария Лукьяновна . Ты опять мне, Семен, балаган устраива-ешь. Идем, мама, к Софи.

Семен Семенович . Застрелюсь, вот увидите – застрелюсь.

Серафима Ильинична . Где уж вам застрелиться, Семен Се-менович, вы бы чайник лучше на примус поставили.

Убегают.

Явление седьмое

Семен Семенович один.

Семен Семенович . Не поверили. Не поверили. Даже Маша и та не поверила. Хорошо. Пожалеешь, да как еще, Машенька. Где он? Вот. *(Вынимает револьвер.)* Нужно сразу, не думая, прямо в сердце – и моментальная смерть. *(Приставляет револьвер к груди.)* Моментальная смерть. Или нет. Лучше в рот. В рот мо-ментальнее. *(Вставляет дуло револьвера в рот. Вынима-ет .)* Буду считать до трех. *(Снова в рот.)* Ас... ва... *(Вынима-ет.)* Или нет. Буду лучше считать до тысячи. *(Опять в рот.)* Ас... ва... ы... че-ы-и... а... э... э... ээ... э-э... э-э... о-и-и-а... *(Вынимает.)* Нет, уж если считать, то придется в сердце. *(При-ставляет револьвер к груди.)* Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять... Это трусость – до тысячи... нужно сра-зу... решительно... До ста – и

кончено. Нет... скорей до пятна-дцати. Да... сейчас. *(Снова приставляет револьвер к груди.)* Раз, два, три, четыре, пять, семь, восемь, девять, десять... один-надцать... двенадцать... тринадцать... четырнадцать... Или, может быть, лучше совсем не считать, но зато в рот. *(Дуло в рот. Вынимает.)* В рот... а пуля куда же?.. Сюда вот... в голо-ву. Жалко голову. Ведь лицо в голове, дорогие товарищи. Лучше в сердце. Только надо нащупать. Получше наметиться, где колотится. Вот. Здесь колотится. Ой! Какое большое сердце, где ни тронешь – везде колотится. Ой! Как колотится. Разорвется. Сейчас разорвется. Боже мой! Если я умру от разрыва сердца, я не успею тогда застрелиться. Мне нельзя умирать, мне нельзя умирать. Надо жить, жить, жить, жить... для того, чтобы застре-литься. Не успеть. Не успеть. Ой, задохнусь. Минутку, еще ми-нутку. Бей же, сволочь, да бей же куда ни попадя. *(Револьвер выскальзывает из рук. Падает.)* Опоздал... умираю. Да что ж это, господи...

Явление восьмое

Два мальчика с огромными венками, завернутыми в бумагу.

Первый мальчик . Что, покойник здесь живет?

Семен Семенович . Кто?

Первый мальчик . Здесь покойник живет или нет, я вас спра-шиваю?

Семен Семенович . А вы кто же такие? Зачем вы? Откудова?

Второй мальчик . Мы из «Вечности».

Семен Семенович . Как – из вечности?

Второй мальчик . Из бюро похоронных процессий «Вечность». Получите, пожалуйста.

Ставит венки.

Семен Семенович . Это что?

Мальчики снимают с венков бумагу.

(Читает надписи на лентах.) «Спи спокойно, Семен Подсекальников, ты герой». *(Другой конец.)* «Почитатели твоей смерти». *(Другой венок.)* «Незабвенному Сене, борцу и зя-тю. Убитая горем теща».

Первый мальчик . Вам венки?

Семен Семенович . Мне... то есть нам.

Первый мальчик . Распишитесь в получении. *(Подает книгу.)* Нет, вот здесь.

Семен Семенович *(читает)*. «Шесть надгробных венков по-лучил». *(Расписывается.)*

Мальчики . До свиданья. *(Уходят.)*

Явление девятое

Семен Семенович подходит к венку, расправляет ленту. На ленте написано по-французски.

Семен Семенович *(читает)*. «Раг-до-пе топ Си-топ...» Что та-кое? Ситоп. Это, верно, не мне. *(Подбегает к двери.)* Стойте, мальчики. *(Пауза.)* Все равно. *(Подходит к другому венку. Читает.)* «Не говорите мне – он умер, он живет. Твоя Раиса». Боже мой! Догадалась. Догадалась, проклятая. Где револьвер? Скорей. *(Поднимает револьвер.)* Говорите, жи-вет? Хорошо. Вот посмотрите, как живет. Вот посмотрите. *(Приставляет револьвер к виску.)* Спи спокойно, Семен Подсекальников, ты герой, ты герой. Ты герой,

Подсекальников, спи. *(Опускает руку.)* Герой-то я герой, а вот спать у меня не выходит. Ну, никак не выходит, дорогие товарищи. Пото-му, что я очень устал, наверное. Очень. Страшно устал. Нужно сесть на немножечко и отдохнуть. Да, да, да. Сесть с газетой и отдохнуть... А потом уже снова со свежими силами. *(Садит-ся. Берет газету. Читает.)* «Международное положение». Международное положение... Какие это, в сущности, пустяки по сравнению с положением одного человека. *(Перевер-тывает газету, читает.)* «Хроника происшествий». «Восемнадцати лет... кислотой...» Вот оно настоящее меж-дународное положение. *(Читает.)* «На углу Семеновской улицы и Барабанного переулкa сшиблен трамваем неизве-стный гражданин. Труп неизвестного отправлен в покойниц-кую Филатовской больницы». Вот счастливец! Ну, скажите пожалуйста, шел, не думал и вдруг попал. А здесь – дума-ешь, думаешь и не можешь попасть. Потому и не можешь, должно быть, что думаешь. Да, да, да. Я теперь догадался. Надо взять себя в руки, отвлечься от этого, все забыть, рассмеяться, прийти в настроение, а потом как трамваем наехать, и кончено. Да, да, да. Взять представить себе, что все чудно, прекрасно, хорошо, замечательно, и что вот ты идешь и как будто не думаешь, может быть, напеваешь чего-нибудь. Да, да, да, напеваешь какую-то песенку. *(Начинает петь.)*

Целует нас мама, свернувши в пеленки,

Целует иная родня,

Когда подрастем, нас целуют девчонки

Средь ночи и белого дня.

Черт возьми, как хорошо – тромбон. Трамвай начинает идти. *(Приближает вытянутую руку с револьвером к виску.)* Сколько прелести в... *(Останавливает руку.)* Сколько прелес... Нет, не могу. Сколько пре... Не могу. Черт возьми, как хорошо – тромбон... Черт во... Тьфу ты, черт! Ну, никак не могу!

Голос за дверью: «Заворачивай веселей. Веселей заворачивай».

Явление десятое

Трое мужчин вносят в комнату гроб.

Первый . На себя, на себя! Да куда же вы тыркаетесь? Ставь на стол.

Гроб ставят на стол.

Все в порядке. Доставили.

Семен Семенович . Очень вам благодарен. Большое спасибо.

Первый . Сам-то где?

Семен Семенович . Ктой-то сам?

Первый . Подсекальников. Упокойник.

Семен Семенович . Вот он.

Первый . Где?

Семен Семенович . Что я, нету его еще, но он будет... на этих минутах, наверное.

Первый . Жалко вам упокойника?

Семен Семенович . Ой как жалко, товарищи!

Первый . Вот я тоже жалею всегда упокойников. На чаек с вашей милости.

Семен Семенович . Ради бога, пожалуйста.

Первый . Ну, счастливо вам справиться.

Уходят.

Явление одиннадцатое

Несколько мгновений Семен Семенович пребывает в полной не-подвижности, потом направляется к гробу, обходит его кругом, заглядывает внутрь, поправляет подушку и расставляет во-круг гроба венки. Затем вытаскивает из кармана револьвер и приставляет дуло к виску. Опускает руку. Подходит к зеркалу, занавешивает его черным. Снова приставляет дуло к виску. Пауза.

Семен Семенович . Почему-то ученые до сих пор не дошли, чтобы мог человек застрелиться, не чувствуя. Например, за-стрелиться под хлороформом. А еще называются благодетели человечества. Сукины дети. Боже праведный! Господи! Жизнеподатель! Дай мне силы покончить с собой. Ты же видишь, что я не могу. Ты же видишь.

Явление двенадцатое

В комнату вбегают Мария Лукьяновна и Серафима Ильинична.

Мария Лукьяновна . Идут!

Семен Семенович . Кто идут?

Мария Лукьяновна . Все идут! *(Выбегает из комнаты.)*

Явление тринадцатое

Семен Семенович мечется по комнате. Слышен шум толпы.

Семен Семенович . Боже мой! Боже мой!

Шум приближается.

Боже мой! *(Вскакивает на стол.)* Боже мой! *(Прыгает в гроб.)*

Шум приближается.

Пережду, а как только уйдут – конец. Раз – и кончено. *(Ло-жится в гроб.)*

Явление четырнадцатое

В раскрытых дверях появляются: Гранд-Скубик, Пугачев, Калабушкин, Маргарита Ивановна, Раиса Филипповна, отец Елпидий, Егорушка, Зинка Па-деспань, Груня, дьякон, церковные певчие. Все в трауре, у многих в руках цветы. Мария Лукьяновна и Се-рафима Ильинична обе спиной к зрителям, в ужасе прости-рая руки, сдерживают толпу.

Мария Лукьяновна . Вы войдите сначала в его положение. Ведь людям-то не хочется умирать. Умирать-то не хочется. Кто ж, товарищи, виноват?

Аристарх Доминикович . Виноваты другие, Мария Лукьянов-на, а не мы.

Серафима Ильинична . Разве мы вас виним, дорогие това-рищи?

Мария Лукьяновна . Я вас, граждане, только хотела спросить: как же вы относительно мужа со мной поступите?

Аристарх Доминикович . Мы заменим вам мужа, Мария Лукьяновна, общими силами.

Семен Семенович *(в гробу)*. Этого еще недоставало.

Мария Лукьяновна . А заранее знать мы не знали, товарищи, пусть он сам засвидетельствует. Сеня. Се... *(Увидела Семена Семеновича в гробу.)* А!

Аристарх Доминикович . Стул вдове! Поскорее, Егор Тимофеевич!
Серафима Ильинична (*подбегая к Марии Лукьяновне*). Что ты? (*Заметила Семена Семеновича в гробу.*) Мамоч-ки...
Пугачев . И второй захватите. Под тещу понадобился.

Егорушка приносит два стула. Вокруг вдовы и тещи хлопочет группа людей. Другая группа направляется к гробу.

Маргарита Ивановна . Как живой!
Зинка Падеспань . Только носик заострился.
Мария Лукьяновна . А-а-а. Пустите, пустите меня к нему! Он не умер, он только немножечко выпимши. Он проспится и встанет, Егор Тимофеевич.
Егорушка . Успокойтесь, не встанет, Мария Лукьяновна.
Мария Лукьяновна . Он живой, он живой, уверяю вас, гражд-дане.
Раиса Филипповна . Как кричит...
Груня . На мозги повлияло, наверное.
Аристарх Доминикович . Вы ее отведите в соседнюю ком-нату.
Мария Лукьяновна . Сеня! Сеня!
Серафима Ильинична . Проснитесь, Семен Семенович...
Зинка Падеспань . И старушка туда же, скажите пожалуйста.
Александр Петрович . Прихватите и тещу, Егор Тимофеевич.
Мария Лукьяновна . Он живой! Он живой!

Егорушка уводит Марию Лукьяновну и Серафиму Ильиничну в соседнюю коннату.

Явление пятнадцатое

Груня . Что из дамочки сделалось.
Маргарита Ивановна . Прямо в голос скучает, обратите вни-мание.
Голос Марии Лукьяновны (*из соседней комнаты*). Он жи-вой, он живой...
Раиса Филипповна . Как страдает, бедняжечка.
Александр Петрович . С непривычки всегда так, Раиса Фи-липповна, а потом приедается. Я ведь тоже недавно жену схо-ронил. Даже ночи не спал. Вот хотите, спросите Маргариту Ивановну.
Маргарита Ивановна. Александр!
Голос Марии Лукьяновны . Сеня, Сеня! Проснись!
Груня . До чего убивается...
Зинка Падеспань . Побежимте посмотримте, как убивается, ин-тересно, наверное.

Все женщины устремляются в соседнюю комнату.

Явление шестнадцатое

Аристарх Доминикович, Александр Петрович, отец Елпидий, Пугачев, Виктор Викторович.

Александр Петрович . Нет! Минуточку. Разрешите задать вам нескромный вопрос. Вы когда же со мной рассчитаться на-мерены?

Пугачев . Рассчитаться? За что?

Александр Петрович . Как – за что? За покойника. Че-ловек на столе – значит, деньги на бочку. Арифметика ясная.

Аристарх Доминикович . Вы все деньги и деньги, товарищ Калабушкин, а идея для вас не имеет значения?

Александр Петрович . Хороша та идея, которая кормит, Аристарх Доминикович.

Аристарх Доминикович . Кормит только господствующая идея. Дайте сделаться нашей идее господствующей, и она вас прокормит, товарищ Калабушкин.

Виктор Викторович . Борьба за идею – борьба за хлеб.

Александр Петрович . Лучше меньше идей и побольше хле-ба. Рассчитывайтесь, товарищи.

Аристарх Доминикович . Но позвольте, вы всех поручений не выполнили.

Александр Петрович . Как же так?

Аристарх Доминикович . Вы с предсмертной записки раз-множили копии?

Александр Петрович . Машинистка работает, Аристарх Доминикович.

Аристарх Доминикович . Ну, тогда приступите к распрост-ранению. Выстрел грянул, пускай его слышат тысячи.

Отец Елпидий . Значит, вы уповаете на большой резонанс?

Аристарх Доминикович . Уповать уповаю, отец Елпидий, но немного боюсь. Нужно прямо сознаться, дорогие товарищи, что покойник у нас не совсем замечательный. Если б вместо него и на тех же условиях застрелился бы видный обществен-ный деятель, скажем, Горький какой-нибудь или нарком. Это было бы лучше, дорогие товарищи.

Семен Семенович (*в гробу*). Это было бы просто прекрасно, по-моему.

Виктор Викторович . Вы напрасно так думаете. Нам не ва-жен покойник как таковой. Нам гораздо важнее сервиров-ка покойника. Важно то, как подать его, Аристарх Доминикович. Я вчера разговаривал с Федей Питуниным. Как я с ним разговаривал. Я ему сочинил своего Подсекальникова. Сочинил и влюбил в него Федю Питунина. А теперь, когда наш Подсекальников мертв, что он может сказать о моем сочинении. Только «с подлинным верно», Аристарх Доминикович. Смерть сама по себе не имеет значения. Заражает не смерть, а причина смерти, а причину мы можем любую выдумать.

Аристарх Доминикович . Нужно вызвать, товарищи, шепот общественности. Это самое главное.

Отец Елпидий . Мы дня на три поставим его в часовню и устро-им прощание.

Аристарх Доминикович . Очень правильный ход. (*Александру Петровичу*.) Отправляйтесь за факельщиками.

Александр Петрович уходит.

Явление семнадцатое

Отец Елпидий, Аристарх Доминикович, Пугачев, Виктор Викторович, дьякон и певчие.

Отец Елпидий . Что ж, приступим.

Дьякон . Приступим, отец Елпидий. Благослови, владыко.

Пугачев . Начинают, пожалуйста.

Явление восемнадцатое

Те же и Егорушка, Мария Лукьяновна, Серафима Ильинична, Груня, Зинка Падеспань, Маргарита Ивановна, Раиса Филипповна.

Отец Елпидий . Благословен Бог наш, всегда, ныне и присно и во веки веков.

Хор . А-минь.

Мария Лукьяновна . Как же это? Живого. Да что же вы дела-ете?

Дьякон . Миром Господу помолимся.

Мария Лукьяновна . Что вы делаете? Не держите меня.

Хор . Господи, помилуй!

Серафима Ильинична . Караул!

Дьякон . О свышнем мире и спасении душ наших Господу помо-лимся.

Хор . Господи, помилуй!

Явление девятнадцатое

Несколько женщин и мужчин заглядывают в дверь. Между ними – глухонемой.

Маргарита Ивановна . Вы смотреть? Не стесняйтесь, заходи-те, товарищи.

Все входят. Глухонемой встает у гроба. Зажигает свечку.

Дьякон . Об оставлении согрешений во блаженной памяти преста-вившегося раба Божия Симеона, Господу помолимся.

Мария Лукьяновна . Что вы делаете?

Хор . Господи, помилуй!

Мария Лукьяновна . Милиция!..

Дьякон . О приснопамятном рабе Божиим Симеоне покая...

Мария Лукьяновна . Милиция!

Дьякон . Окна, окна закройте. Тишины, блаженные памяти его. Гос-поду помолимся.

Хор . Господи, помилуй!

Дьякон . И простите ему всякое прегрешение...

Аристарх Доминикович . На минуточку, батюшка. Слово Божие свято, отец Елпидий, но, учитывая аудиторию, вы уж лиш-нее выкиньте, сократите немножко.

Отец Елпидий . Сократить – это можно, Аристарх Доминикович. (*Подходит к певчим. Шепчет.*)

Хор . Господи, помилуй!

Мария Лукьяновна . Он живой!

Серафима Ильинична . Разбудите его, товарищи!

Дьякон . О избавится нам от всякие скорби, гнева и нужды. Гос-поду помолимся.

Хор . Господи, помилуй!

Мария Лукьяновна . Почему же он, мама, не просыпается?

Отец Елпидий (*скороговоркой*) . Яко ты еси воскресение и живот усопшаго раба твоего, Симеона, Христе Боже наш и тебе славу воссылаем со безначальным твоим Отцем, и со святым и благим и животворящим твоим Духом, ныне и присно и во веки веков.

Хор . А-минь.

Мария Лукьяновна . Он, должно быть, действительно умер, ма-мочка.

Хор . Со святыми упокой.

Мария Лукьяновна . А-а-а. Дурно. Дурно! Воды!

Все бросаются к Марии Лукьяновне. У гроба остается только не слышавший крика глухонемой. Хор поет. Все хлопочут вокруг Ма-рии Лукьяновны. Глухонемой со свечкой в руке опускается на коле-ни, отвешивает земной поклон. Хор поет. Семен Семенович не вы-держивает и, сев в гробу, лезет в карман за платком. В это время глухонемой поднимается с колен, поднимает руку, чтобы перекреститься, откидывает голову и видит сидящего в

гробу покойника, который вытирает платком слезы. Глухонемой вскрикивает и па-дает навзничь.

Голоса . Что случилось?

– Еще один!

Бросаются к нему.

Явление двадцатое

Входит Александр Петрович с факельщиками.

Аристарх Доминикович . Унесите его. Унесите скорей.

Факельщики берут гроб. Уносят. Хор поет.

Мария Лукьяновна (*очнувшись*) . Умер. Умер.

К ней подбегает глухонемой, в ужасе показывает жестами то, что он видел. Вынимает платок, прикладывает его к глазам.

Жалко? Плачете? А уж мне-то как жалко, и сказать не могу. (*Обнимает глухонемого.*)

Пение.

Занавес.

Действие пятое

Кладбище. Возле кучи земли свежерытая яма.

Явление первое

Александр Петрович, Аристарх Доминикович, Виктор Викторович.

Александр Петрович . Вот отсюда, отсюда смотрите, товарищи. Как вам нравится?

Аристарх Доминикович . Я считаю, что место довольно приличное.

Александр Петрович . Да уж что говорить, Аристарх Доминикович, как себе выбирал.

Аристарх Доминикович . Между прочим, я все собираюсь спросить: приглашенья разосланы?

Александр Петрович . Всем разосланы.

Виктор Викторович . Нет, не всем.

Аристарх Доминикович . Как – не всем?

Виктор Викторович . Мы совсем позабыли о Феде Питунине. Нужно было ему приглашенья послать.

Аристарх Доминикович . Так о чем же вы думали?

Виктор Викторович . Я, к несчастью, не видел его два дня, не до этого было, Аристарх Доминикович.

Аристарх Доминикович . Ну не так это важно, в конце концов.

Виктор Викторович . Что же важно, по-вашему?

Аристарх Доминикович . Самое важное – чтобы заговорило общественное мнение.

Явление второе

Мимо могилы проходят две старухи.

Первая . Ах, я дурочка старая.

Вторая . Что такое?

Первая . Как же я пропустила, скажите пожалуйста, свежую вырыли.

Вторая . Нет, я утром заметила; я как в церковь трепала еще – заметила.

Первая . Кто же это преставился?

Вторая . Наш приходский мужчина один преставился. Серафимы Ильиничны зять, Подсекальников.

Первая . Как же я пропустила, скажите пожалуйста.

Вторая . Двое суток в часовне у нас простоял. Я намедни ходила смотрела с Панкратьевной.

Первая . И Панкратьевна видела?

Вторая . Уж мы плакали, плакали...

Первая . Как же я пропустила, скажите пожалуйста. А с чего он преставился?

Вторая . Сам себя порешил.

Первая . Ах ты, ужас какой. Как же я пропустила, скажите пожалуйста. Да с чего ж он себя порешил, Борисьевна?

Вторая . С чего? Это ясно с чего.

Первая . Это верно, что ясно. Скажите пожалуйста. Так, так, так.

Уходят.

Аристарх Доминикович . Общественное мнение заговорило. Идем.

Уходят.

Явление третье

Проходят еще две старушки.

Первая . Не весело стало у нас на кладбище, нет, не весело. И гулянье не то, и покойников интересных нету.

Вторая . В наше время покойники что дрова – жгут их, матушка.

Первая . Потому что о будущем не заботятся, вот и жгут. А придет воскресенье, воскресать-то и нечем. Ох, ох, ох, ах, ах, ах, а уж дело-то сделано.

Вторая . Вот тогда посмеемся над ними, Панкратьевна.

Проходят.

Явление четвертое

Вбегает Клеопатра Максимовна, таща за руку Олега Леонидовича.

Клеопатра Максимовна . Вот.

Олег Леонидович . Что – вот?

Клеопатра Максимовна . Здесь.

Олег Леонидович . Что здесь?

Клеопатра Максимовна . Здесь его похоронят.

Олег Леонидович . Кого похоронят?

Клеопатра Максимовна . Олег, я признаюсь тебе... я убийца. Я убийца, Олег. Олег,

обнимите меня, мне страшно.

Олег Леонидович . Будет вам, Клеопатра Максимовна, пол-ноте.

Клеопатра Максимовна . Олег, вы какой-то такой, вы особен-ный, вы меня не осудите. Олег, я убила его.

Олег Леонидович . Кого?

Клеопатра Максимовна . Подсекальникова. Олег, он хотел мое тело, он хотел меня всю, но я говорила: «Нет». И вот он лишил себя жизни из-за меня. Олег, я убийца! Мне страшно, Олег. Везите меня к себе.

Олег Леонидович . Лучше я вас домой отвезу, Клеопатра Максимовна.

Клеопатра Максимовна . Олег, я признаюсь тебе: моя мама была цыганкой. Ее тело лишало ума, как гром. С пятнадцати лет я стала вылитой матерью. Помню, в Тифлисе я поехала на извозчике покупать себе туфли, и что же ты думаешь, при-казчик сапожного магазина не сумел совладать с собой и так укусил меня за ногу, что меня увезли в больницу. С тех пор я ненавижу мужчин. Потом меня полюбил иностранец. Он хо-тел одевать меня во все заграничное, но я говорила: «Нет!» Тогда меня стал обожать коммунист. Мой бог, как он меня обожал. Он сажал меня на колени и говорил: «Капочка, я от-крою перед тобой весь мир, едем в Алупку». Но я говорила: «Нет!» И он проклял меня и вышел из партии. Потом меня захотел один летчик. Но я рассмеялась ему в лицо. Тогда он поднялся над городом и плакал на воздухе, пока не разбился. И вот теперь Подсекальников. Женщины падали перед ним как мухи, Раиса грызла от страсти стаканы и дежурила возле его дверей, но он хотел только меня. Он хотел мое тело, он хотел меня всю, но я говорила: «Нет!» Вдруг – трах, и юноши не стало. С тех пор я возненавидела свое тело, оно пугает меня, я не могу оставаться с ним. Олег, возьмите его себе!

Олег Леонидович . Видите ли... Клеопатра Максимовна... Дело в том...

Отец Елпидий *(за сценой)*. И сотвори ему вечную память!

Клеопатра Максимовна . Боже мой. Это он. Ой, мне плохо. Держите меня, Олег. Крепче, крепче. Олег, я слабею. Это выше меня. Олег, я не в силах противоборствовать. Я буду сейчас вырываться на похороны. Олег, ты не должен меня отпускать. Крепче, крепче. Пустите меня, пустите. Хорошо, я поеду.

Олег Леонидович . Куда?

Клеопатра Максимовна . К вам.

Хор *(за сценой)*. Вечная память.

Олег Леонидович . Видите ли, Клеопатра Максимовна, только вы не поймите превратно мои слова, но сегодня мне несколь-ко... неудобно. Дело в том...

Клеопатра Максимовна . Все понятно. Молчи. У тебя Раи-са. Олег, я раскрою тебе глаза. Олег, я клянусь тебе перед этой могилой, что Раиса обманщица. Все ее тело построено на фу-фу. Каждое утро она подкладывает ноги под шкаф и делает упражнения животом. А я... Моя мама была цыганка. Я росла и цвела без обмана, как дерево. Олег, увезите меня к себе.

Олег Леонидович . Уверю вас, Клеопатра Максимовна, что се-годня мне несколько неудобно.

Хор *(за сценой)*. Вечная память.

Клеопатра Максимовна . В таком случае, Олег Леонидо-вич, я знаю, что мне остается сделать. Прощайте! *(Убе-гает.)*

Олег Леонидович . Клеопатра Максимовна! Капа! Капочка! *(Бросается за ней.)*

Хор *(за сценой)*. Вечная память, вечная память, вечная память.

Явление пятое

Гроб. Похоронная процессия. Отец Елпидий, дьякон, пев-чие, Мария Лукьяновна, Серафима Ильинична, Маргарита Ивановна с кутьей, Аристарх Доминикович, Александр Петрович, Виктор Викторо-вич, Пугачев,

Егорушка, Раиса Филипповна, жильцы, проститутки, старухи, гуляющая публика, любопытные, факельщики.

Хор . Вечная память, вечная память.

Аристарх Доминикович . Осторожнее, осторожнее.

Александр Петрович . Гражданин, не пихайте вдову, пожа-луйста.

Маргарита Ивановна . Тише, тише кутью.

Егорушка . Да куда же вы лезете?

Первая старушка . Молодой человек, пропустите бабушку.

Егорушка . Вы покойника бабушка?

Первая старушка . Нет, я так.

Егорушка . Ну, тогда вы и здесь постоите, не барыня.

Пугачев . Опускайте.

Александр Петрович . Поставили.

Виктор Викторович . Кто у нас выступает от имени масс?

Аристарх Доминикович . Вот. Егор Тимофеевич.

Виктор Викторович . Начинайте, Егорушка.

Егорушка . Я боюсь.

Александр Петрович . Да чего ж вы боитесь, Егор Тимофее-вич, ведь надгробное слово не так уже страшно.

Егорушка . Как же слово не страшно. Слово не воробей, выпу-стишь – не поймашь, так вот, значит, выпустишь – не пой-машь, а за это тебя поймают и не выпустят.

Аристарх Доминикович . Но ведь мы же условились.

Егорушка . Все равно я отказываюсь. И потом, я не знаю, с чего начинать.

Виктор Викторович . У меня есть для вас замечательное на-чало. Вы начните, Егор Тимофеевич, так: «Не все спокойно в королевстве Датском».

Егорушка . Кто сказал?

Виктор Викторович . Марцелл.

Егорушка . Что ж вы раньше молчали? Чудак вы эдакий. *(Бежит к насыпи.)* Дайте место оратору. *(Взбегает на насыпь.)* Граждане, разрешите мне поделиться с вами радостной но-востью. Минуту тому назад до нас дошли сведения от това-рища Марцелла, что в королевстве Датском не все спокойно. Поздравляю вас. Между прочим, этого надо было ожи-дать. Прогнившая система капитализма проявила себя. Кто там дергает?

Виктор Викторович . Что вы порете? Я же вам для начала сказал, понимаете? Вы должны были сразу на покойника перейти.

Егорушка . Не волнуйте оратора. Перейдем. Итак, товарищи, в Да-нии беспокойно, тем не менее умер один из нас. Но утритесь, товарищи, и смело шагайте вперед, в ногу с покойником. Но вернемся, товарищи, к Дании. Вы опять меня дергаете. Дания – это...

Аристарх Доминикович, Александр Петрович и Виктор Викторович стаскивают Егорушку с насыпи.

Голоса . Что случилось?

– В чем дело?

Александр Петрович . Дорогие друзья. Предыдущий товарищ почувствовал себя плохо. Больше он говорить не может. Слиш-ком свежа эта рана, слишком тяжка потеря – слезы душат его.

Мария Лукьяновна . Ну зачем я живу, ну скажите мне, граж-дане.

Маргарита Ивановна . После, после, потише, Мария Лукьянов-на, не мешайте писателю.

Виктор Викторович .

Что хочешь пей, как хочешь сквернословь,

Он заплатил за всех назначенную цену.
Вся жизнь его была похожа на любовь,
А наша жизнь теперь похожа на измену.

Как было радостно, как было хорошо
Лежать в траве и лазить по сугробам.
Но с этих пор, куда бы я ни шел,
Мне кажется, что я иду за гробом.

Где нет пути – там смерть прекрасный путь.
Бывают дни, когда он виден многим.
Но сколько тысяч вздумало свернуть
С своей единственной и правильной дороги.

Он не свернул, тому порукой кровь.
Он заплатил за всех назначенную цену.
Вся жизнь его была похожа на любовь,
А наша жизнь похожа на измену.

Раиса Филипповна . Очень тонко подмечено.

Егорушка . А-а-а! Я, товарищи, тоже хочу прочитать. Дайте мне.

Александр Петрович . Что вы, что вы! Держите его!

Егорушка . Не трогайте. *(Взбегает на кучу.)* Я сейчас прочитаю стихи на смерть с вовлечением массы в действие. Вы, Мария Лукьяновна, обернитесь сюда и следите за ручкою. Я как ручкой махну, вы скажете «кто». Так вот: «кто». Понимаете? Приготовились. Начали. Стих на смерть моего сочинения, с вовлечением массы в действие.

Из толпы . Тихо... Тс...

Егорушка .

Когда бы он на свете жил

И в учреждении служил,

Он был бы лучшим из начальников. *(Машет рукой.)*

Мария Лукьяновна *(сквозь слезы)*. Кто?

Егорушка . Семен Семеныч Подсекальников.

Виктор Викторович . Аристарх Доминикович, говорите ско-рей. Нужно выправить впечатление.

Аристарх Доминикович . Умер Сеня. Скончался Семен Подсекальников. Я считаю, что смерть Подсекальникова – это первый тревожный сигнал, говорящий о бедствии русской ин-теллигенции. Только первый сигнал, не забудьте, товарищи, одна ласточка... не делает весны. Нынче он, завтра я. Да, товарищи, завтра я. Берегите интеллигенцию. Я взываю к вам, граждане, берегите ее. Поднимите свой голос в ее защиту и воскликните все, как один человек...

Явление шестое

Вбегает Клеопатра Максимовна. За ней – Олег Лео-нидович.

Олег Леонидович . Капа! Капочка!

Раиса Филипповна . Люша!

Олег Леонидович . Раиса Филипповна!

Клеопатра Максимовна . Пропустите, пустите меня к нему!

Голоса . Ктой-то?

– Что с ней?

– Должно быть, родная.

– Сумасшедшая!

Клеопатра Максимовна . Я пришла не прощаться с тобой, а здороваться.

Из толпы . Так и есть, сумасшедшая.

Клеопатра Максимовна . Ты лишил себя жизни из-за меня, и я знаю, что мне остается сделать.

Из толпы . Нет, выходит, нормальная.

Мария Лукьяновна . Извиняюсь, но вы обознались, наверное, это муж мой, сударыня.

Клеопатра Максимовна . Что вы знаете? Он хотел мое тело, он хотел меня всю, но я говорила «нет».

Раиса Филипповна . Врет она, это я говорила «нет».

Клеопатра Максимовна . Он вас даже не спрашивал.

Раиса Филипповна . Вас он спрашивал.

Клеопатра Максимовна . Он хотел мое тело...

Раиса Филипповна . Тоже тело, подумаешь.

Аристарх Доминикович . Тише, тише, товарищи. Здесь не личная драма, Раиса Филипповна, здесь тревожный сиг-нал, – что вы, сами не знаете? Окруженная недоверием и не-доброжелательством, русская интеллигенция...

Виктор Викторович . Ничего подобного. Покойник играл на геликоне. Он был близок к искусству. Он горел, он хотел...

Клеопатра Максимовна . Он хотел мое тело. Тело! Тело!

Пугачев . Мяса, граждане, мяса. Дорогие товарищи, я мясник. Не могу торговать я в такую эпоху. Сил моих нету. Я уж клялся, божился и книги показывал. Нет мне веры, товарищи. Вот на-род и стреляется.

Отец Елпидий . Вера есть. Верить негде у нас, православные. Церкви Божии запечатывают.

Пугачев . Что там церкви, когда магазин запечатали.

Аристарх Доминикович . Из-за этого не стреляются. Я был другом покойного. Вы спросите у близких – из-за чего.

Серафима Ильинична . Из-за ливерной колбасы, Аристарх Доминикович.

Пугачев . Из-за ливерной. Правильно. Дорогие товарищи, я мясник...

Раиса Филипповна . Это низкая ревность, Олег Леонидович. Он стрелялся из-за меня.

Клеопатра Максимовна . Тело, тело...

Отец Елпидий . Религии...

Пугачев . Мясо...

Аристарх Доминикович . Товарищи...

Пугачев . Колбаса...

Виктор Викторович . Идеалы...

Аристарх Доминикович . Интеллигенция...

Мария Лукьяновна . Сеня! Сеня!

Серафима Ильинична . Забыли покойника, граждане.

Отец Елпидий . И сотвори ему вечную память.

Хор (поет) . Вечная память, вечная память.

Все опускаются на колени, кроме Егорушки. Виктор Викто-рович уходит.

Маргарита Ивановна . Почему вы, Егор Тимофеич, не мо-литесь?

Егорушка . В современное время молиться грех.

Отец Елпидий . Ну, прощайтесь с покойником.

Аристарх Доминикович (*опускаясь на колени*). Прости, Семен. (*Целует Подсекальникова в лоб.*)

Семен Семенович (*обнимая Аристарха Доминиковича*). Про-сти и ты меня, Аристарх. (*Целует его.*)

Аристарх Доминикович . А-а-а! *(Бросается в толпу.)*

Все . Караул!

Семен Семенович *(вылезая из гроба)*. Простите и вы меня, дорогие присутствующие.

Мария Лукьяновна . Сеня! Сенечка!

Семен Семенович . Маргарита Ивановна! *(Бросается к ней.)*

Маргарита Ивановна *(с кутьей в руках)*. Чур меня, сатана! Что ты хочешь?

Семен Семенович . Рису, рису мне, Маргарита Ивановна, дай-те рису. *(Вырывает кутью.)* Товарищи, я хочу есть. *(Ест.)* Ночь, и еще ночь, и еще день пролежал я в этом гробу. И толь-ко один раз удалось мне выбраться из часовни и купить себе пару булок. Товарищи, я хочу есть. Но больше, чем есть, я хочу жить.

Аристарх Доминикович . Но позвольте... как жить?

Семен Семенович . Как угодно, но жить. Когда курице отру-бают голову, она бежит по двору с отрубленной головой, пусть как курица, пусть с отрубленной головой, только жить. Товарищи, я не хочу умирать: ни за вас, ни за них, ни за класс, ни за человечество, ни за Марию Лукьяновну. В жизни вы мо-жете быть мне родными, любимыми, близкими. Даже самы-ми близкими. Но перед лицом смерти что же может быть бли-же, любимей, родней своей руки, своей ноги, своего живота. Я влюблен в свой живот, товарищи. Я безумно влюблен в свой живот, товарищи.

Клеопатра Максимовна . Ну, и этот туда же, за Раисой Филипповной.

Семен Семенович . Я влюблен в свои руки и ноги, товарищи. Ах вы, ножки мои дорогие.

Отец Елпидий . Что же это такое, Мария Лукьяновна?

Аристарх Доминикович . Вы мерзавец. Вы трус, гражданин Подсекальников! То, что вы говорили сейчас, – отвратитель-но. Нужно помнить, что общее выше личного, – в этом суть всей общественности.

Семен Семенович . Что такое общественность – фабрика ло-зунгов. Я же вам не о фабрике здесь говорю, я же вам о жи-вом человеке рассказываю. Что же вы мне толкуете: «общее», «личное». Вы думаете, когда человеку говорят: «Война. Вой-на объявлена», вы думаете, о чем спрашивает человек, вы ду-маете, человек спрашивает – с кем война, почему война, за какие идеалы война? Нет, человек спрашивает: «Какой год призывают?» И он прав, этот человек.

Аристарх Доминикович . Вы хотите сказать, что на свете не бывает героев.

Семен Семенович . Чего не бывает на свете, товарищи. На све-те бывает даже женщина с бородой. Но я говорю не о том, что бывает на свете, а только о том, что есть. А есть на свете всего лишь один человек, который живет и боится смерти больше всего на свете.

Александр Петрович . Но ведь вы же хотели покончить с со-бой.

Аристарх Доминикович . Разве вы нам об этом не говорили?

Семен Семенович . Говорил. Потому что мысль о самоубийстве скрашивала мою жизнь. Мою скверную жизнь, Аристарх Доминикович, нечеловеческую жизнь. Нет, вы сами подумай-те только, товарищи: жил человек, был человек и вдруг че-ловека разжаловали. А за что? Разве я уклонился от общей участи? Разве я убежал от Октябрьской революции? Весь Ок-тябрь я из дому не выходил. У меня есть свидетели. Вот я стою перед вами, в массу разжалованный человек, и хочу го-ворить со своей революцией: что ты хочешь? Чего я не от-дал тебе? Даже руку я отдал тебе, революция, правую руку свою, и она голосует теперь против меня. Что же ты мне за это дала, революция? Ничего. А другим? Посмотрите в сосед-ние улицы – вон она им какое приданое принесла. Почему же меня обделили, товарищи? Даже тогда, когда наше пра-вительство расклеивает воззвания «Всем. Всем. Всем», даже тогда не читаю я этого, потому что я знаю – всем, но не мне. А прошу я немногого. Все строительство наше, все достиже-ния, мировые пожары, завоевания – все оставьте себе. Мне же дайте, товарищи, только тихую жизнь и приличное жало-ванье.

Отец Елпидий . Серафима Ильинична, что вы смотрите? Вы же его теща, заставьте его замолчать.

Александр Петрович . Не давайте ему говорить, товарищи.

Аристарх Доминикович . То, что он говорит, это контр-революция.

Семен Семенович . Боже вас упаси. Разве мы делаем что-нибудь против революции? С первого дня революции мы ни-чего не делаем. Мы только ходим друг к другу в гости и гово-рим, что нам трудно жить. Потому что нам легче жить, если мы говорим, что нам трудно жить. Ради бога, не отнимайте у нас последнего средства к существованию, разрешите нам говорить, что нам трудно жить. Ну хотя бы вот так, шепотом: «Нам трудно жить». Товарищи, я прошу вас от имени миллиона людей: дайте нам право на шепот. Вы за стройкою даже его не услышите. Уверяю вас. Мы всю жизнь свою шепотом проживем.

Пугачев . То есть как проживем? Это что же такое, друзья, разво-рачивается? Я молчал, я все время молчал, любезные, но те-перь я скажу. Ах ты, жулик ты эдакий, ах ты, чертов прохвост! Ты своими руками могилу нам выкопал, а сам жить собира-ешься. Ну, держись. Я себя погублю, а тебя под расстрел под-веду, грабителя. Обязательно подведу.

Раиса Филипповна . Расстрелять его!

Голоса . Правильно.

Семен Семенович . Маша, Машенька! Серафима Ильинична! Что они говорят? Как же можно... Простите. За что же? По-милуйте! В чем же я виноват? Все, что вы на меня и на них потратили, я верну, все верну, до последней копейки верну, вот увидите. Я комод свой продам, если нужно, товарищи, от еды откажусь. Я Марию заставлю на вас работать, тещу в шах-ты пошлю. Ну, хотите, я буду для вас христарадничать, толь-ко дайте мне жить. *(Встает на колени.)*

Аристарх Доминикович . Какая гадость! Фу!

Семен Семенович *(вскакивая)*. Пусть же тот, кто сказал это «фу», товарищи, пусть он выйдет сюда. *(Вытаскивает ре-вольвер.)* Вот револьвер, пожалуйста, одолжайтесь. Одол-жайтесь! Пожалуйста!

Аристарх Доминикович . Что за глупые шутки, Семен Семе-нович, опустите револьвер. Опустите револьвер, я вам го-ворю.

Семен Семенович . Испугались, голубчики. Ну, так в чем же тогда вы меня обвиняете? В чем мое преступление? Только в том, что живу. Я живу и другим не мешаю, товарищи. Ни-кому я на свете вреда не принес. Я козявки за всю свою жизнь не обидел. В чьей я смерти повинен, пусть он вый-дет сюда.

Раздается траурный марш.

Явление седьмое

Вбегает Виктор Викторович.

Виктор Викторович . Федя Питунин застрелился. *(Пауза.)* И оставил записку.

Аристарх Доминикович . Какую записку?

Виктор Викторович . «Подсекальников прав. Действительно жить не стоит».

Траурный марш.

Занавес.